

На правах рукописи

Чевела Ольга Всеволодовна

**ГЕРМЕНЕВТИКА ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ:
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

10. 02. 01 - русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань-2010

Работа выполнена на кафедре русского языка Казанского высшего военного командного училища (военного института) (филиала) федерального государственного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации»»

Научный консультант: доктор филологических наук профессор
Николаев Геннадий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Баранов Виктор Аркадьевич

доктор филологических наук профессор
Верещагин Евгений Михайлович

доктор филологических наук профессор
Супрун Василий Иванович

Ведущая организация: **Российский университет дружбы народов**

Защита состоится «7» октября 2010 г. в 10 час на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.Ю. Виноградова

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Парадоксальность современной языковой ситуации обозначена Полем Рикером: “тот же самый век, который опустошает язык, становящийся все более точным, однозначным и техническим, вырабатывает и средства возрождения его полноты в лице экзегетики, феноменологии, психоанализа, философии языка” [Ricoeur 1972: 288]. Вопросы, связанные с изучением сакральных текстов, разрабатываются в рамках ряда направлений отечественного и зарубежного языкознания. В эпоху возрождения религиозных ценностей в духовной жизни общества особую актуальность приобретают исследования, посвященные различным аспектам взаимодействия языка и религии и рассматривающие функционирование религиозных текстов в контексте национальной (в том числе православной) культуры. Так, в настоящее время зарубежными лингвистами проблемы изучения религиозного языка выделены в особый раздел языкознания – *теолингвистику*. Одной из актуальных проблем, связанной с изучением переводов сакральных текстов, является проблема интерпретации и понимания, входящая в сферу герменевтики.

В основе всякой интерпретации лежит противоречие, так как “истолкование начинается как раз с того момента, где кончается понимание” (Г.Г. Шпет). Эта проблема остро встает в постсоветской России для многих тысяч современных верующих. Особым содержанием она наполняется и в контексте возрождения системы православного образования. На Западе и в протестантских кругах активно развивается теологическая герменевтика, в результате происходит дальнейшее “дробление” родового понятия – положительная герменевтика, протестантская герменевтика, герменевтика буддизма, каббалистика и т.д. Следовательно, можно говорить и о православной герменевтике как разновидности герменевтики теологической. Что касается герменевтического направления в России, то оно развивается “в основном в среде собственно академического и образовательного пространства” (А.А.Грякалов). В настоящее время можно констатировать формирование “герменевтической парадигмы” не только на Западе, но и в России (И.В. Богин, А.В. Михайлов, А.В. Арапов, Н.О. Гучинская, И.В. Арнольд). К идеям герменевтики восходит концепция диалогизма (М.М. Бахтин), теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Ж. Деррида), понятие прецедентного текста (Ю.Н. Караулов). В то же время все больше ученых осознают необходимость обращения к идеям классической герменевтики.

Герменевтический поворот в области филологии обусловил и переориентацию в научных исследованиях: со сбора и описания эмпирического материала – к анализу текста и Слова в тексте. В свое время это гениально предвосхитил А.Ф. Лосев, выдвигая в качестве девиза современной филологии бессмертную “формулу вероисповедания” Фридриха Ницше – “Философией стало то, что прежде было филологией”. И вполне созвучны слова В.В. Василика: “В час, когда рушатся миры, явно недостаточно говорить только об истории и филологии, следует обратиться к сущностным смыслам христианской гимнографии” [Василик 2006: 18].

Избранный нами герменевтический подход обусловлен не только спецификой объекта, но и логикой историко-лингвистического исследования. Как справедливо отмечает В.А. Баранов, “Древнеславянский текст, текст Священного Писания, литургические тексты представляют собой объект лингвистического исследования особого рода. Какая бы проблема не стояла перед историком языка, в центре внимания неизбежно оказывается понимание текста [Баранов 2002: 18].

Актуальность исследования обусловлена и той значительной ролью, которую играли литургические источники в становлении славянского литературного языка и культуры. Гимнография играла важную роль в общественной и культурной жизни Древней Руси: ее знали наизусть общественные деятели, под ее воздействием создавали произведения выдающиеся ораторы и церковные писатели. Являясь проводником византийского влияния, гимнография сыграла значительную роль в формировании мифологически-символического пласта, на котором основывалась русская культура, национальная литература и религиозная философия. Известно высказывание Н.А. Бердяева: “Богатая культура, культура красивая и творческая связана кровно с христианской мистикой и символикой, с культом, с тем духом, который создал икону, зажег перед ней лампаду и воскурил ладан”.

Объектом исследования является язык славянской переводной литургической поэзии в единстве смыслового содержания и конкретных языковых форм его выражения. В сферу данного исследования попадает также содержательная сторона византийской гимнографии и ее религиозно-богословские основания.

Непосредственным **предметом изучения** являются особенности словообразовательной, лексико-семантической, морфолого-синтаксической и образно-поэтической системы исследуемых памятников письменности, а также приемы текстопостроения и специфика переводческой техники на различных этапах.

Материалом исследования послужил текст гимнов в составе Цветной Триоди по разновременным славянским переводам. Триодь Цветная представляет собой вторую часть единой богослужебной книги, содержащей части богослужения для подвижных дней годового круга. Являясь одной из книг, без которых не могло обходиться богослужение, Триодь включена в корпус первых славянских переводов: часть материала Триоди была переведена Кириллом и Мефодием, а затем дополнена их последователями.

В качестве *дополнительного* привлекался и материал других литургических книг – Минеи, Октоиха, а также типологические параллели из древнеармянского гимнографического сборника – Шаракана.

Источники исследования. Уже в герменевтике Блаженного Августина содержится весьма важная мысль о переводе как о разном осмыслении оригинала: “хотя, не прибегнув к подлиннику, нельзя знать, кто из переводчиков точнее перевел место сие, несмотря на то, умному читателю тот и другой перевод раскрывают очень многое” [Августин 2006: 85].

В качестве **основных источников** привлекаются славянские списки, отражающие основные вехи бытования Триоди на Руси: первоначальный перевод, представленный единственным русским списком (Триодь Моисея Киянина), ис-

правление в эпоху Ярослава Мудрого (Триоди Гимовской редакции по рукописям XII–XIV вв.), новый перевод, сделанный при патриархе Евфимии (рукописи XV в. и позднейшие печатные издания), воспринятый реформой патриарха Никона (Никоновская Триодь) и положенный в основу современных печатных изданий. Особняком стоит новый перевод Триоди под редакцией Сергия Страгородского, вошедший в печатные издания 1910-1915 г.

Мы придерживаемся классификации М.А. Моминой [1982; 1992].

1. *Триодь Моисея Киянина (МК)*, названная так на основании приписки, помещенной писцом в конце рукописи. Неделеная, включает Постную и Цветную Триодь, написана уставом. Порядок расположения песнопений архаичный, отсутствуют вторые каноны на ряд праздников – Преполовление, Вознесение, Пятидесятницу.

2. *Рукописи гимовской редакции (Гим)*. Тип Триоди, употреблявшийся на древней Руси и представленный исключительно русскими списками, был образован в результате правки XI века, предположительно при Ярославе Мудром, в ходе которой происходило исправление уже существующего древнеболгарского перевода. Список Триодей, содержащих текст этой редакции, приводится М.А. Моминой [1992]. В качестве основных списков нами избран старший список Триоди из библиотеки синодальной типографии (№ 138) и рукопись Вологодского собрания, содержащая только каноны и трипеснцы. К этой же редакции нами отнесена Триодь и Минея Праздничная (№ 139). Рукопись Типографского собрания № 138 (*Тип.*) примечательна тем, что содержит вторые песни канонов на ряд великих праздников. Греческий текст вышеперечисленных песен обнаружен протоиереем В.В. Рыбаковым. Среди славянских рукописей, в которых присутствует вторая песнь, данный памятник не приводится.

3. *Памятники Афонской редакции (Аф)*. Из славянских Триодей сюда относятся те, которые появились в результате исправления на Афоне в XIV веке. В качестве **основного списка** в диссертационном исследовании используется рукопись XV в. Триодь Цветная из фондов библиотеки КГУ (№ 4633), далее – Казанская Триодь (*КТ*). В состав Триоди включены паримии, апостольские и евангельские чтения, а также синаксарий, переведенный впервые на Афоне в середине XIV в. Порядок службы отражает Иерусалимский устав, в состав памятника входит служба *великих и малых вечерен*. Триодь деленая, начинается с Лазаревой субботы, подобное деление имели еще два типа Триоди, употреблявшиеся у восточных славян: Гимовский и Киевский.

Впоследствии именно этот перевод был канонизирован патриархом Евфимием и вошел в печатные издания. Как отмечает И. Карабинов, впоследствии уже результаты евфимиевской правки будут учтены на следующем этапе исправления перевода Триоди в XVII веке в Киеве и Москве [Карабинов 1910: 216]. Текст рукописи грецизирован по сравнению с рассмотренными нами Триодями XV – XVII веков, также принадлежащими к Афонскому типу, который неоднократно правился на протяжении XV – XVII веков. Так, ближе к древнему переводу Триодь 1648 г (НБЛ, ОРРК) и Триодь 1635 г. (НБЛ, ОРРК), а также рукописная Триодь XVI в. из Центрального Архива (АН, № 1848). По причинам технического порядка графика

рукописей упрощается (в силу специфики исследования рассмотрение особенностей графики и орфографии не входит в наши задачи), не передаются надстрочные знаки. Греческий текст, которым пользовались афонские справщики, положен и в основу современных печатных изданий.

Наконец, прослеживается дальнейшая судьба славянского перевода в Никонской редакции (Триодъ Цветная 1670 г), а также в период литургической реформы (Триодъ Цветная под редакцией Сергия Страгородского).

Помимо указанных памятников, в качестве **дополнительных источников** для исследования привлекается материал других гимнографических сборников. Текст славянской Минеи приводится по изданиям исследователей (И.В. Ягич; Е.М. Верещагин, В. Б. Крысько), а также по современным печатным изданиям. Параллели из древнеармянского сборника – Шаракана, приводятся по амстердамскому изданию 1702 г., русский перевод – по изданию Н. Эмина.

Поскольку оригиналы доафонских рукописей иногда имели существенные отличия, наряду с печатными изданиями Триоди и Пентикостария мы обращались и к существующим версиям греческого текста – это издание древнего Иерусалимского Последования Страстной и Пасхальной седмиц, издание Богослужбных канонов Е.Ловягина, издание служебных миней. Кроме того, мы использовали другие богослужбные сборники, патрологию J.P. Migne, а также электронные версии этих памятников.

История вопроса.

Проблемы интерпретации выдвигаются на первый план в связи с историей переводов Священного Писания. Вопросы сравнительного изучения переводов в связи с проблемами интерпретации затрагиваются уже в “Христианской науке” Августина. “Взрыв” герменевтической проблематики приходится на переломные моменты книжных реформ. Цели ее всегда прагматичны: критика старого перевода и концепция его переработки. Герменевтический подход к литургическому тексту просматривается у защитника реформы патриарха Евфимия – Константина Костенечского. Анализируя многочисленные ошибки в переводе литургических книг, Константин Грамматики в своей аргументации опирается как на грамматику подлинника, так и на “параллельные места” Священного Писания, используя развернутый богословский комментарий. В связи с проблемами перевода к интерпретации гимнографии обращается и Максим Грек. Вопросы интерпретации являются одним из центральных пунктов и в обширной полемике по поводу новой редакции литургических книг в начале XX вв.

В настоящее время с позиций герменевтики исследованы древние славянские переводы Ветхого Завета (А.М.Камчатнов). Что же касается интерпретации литургических текстов, то она не получила широкого освещения. В связи с активным развитием литургического богословия появляются работы, содержащие интерпретацию отдельных песнопений (В.А. Алымов, М.С.Красовицкая). В частности, герменевтический подход или искусство толкования в качестве основы исторической литургики провозглашает В.А. Алымов. Как правило, здесь отсутствует собствен-

но филологический анализ, за основу берется современный перевод, а греческие параллели, если и приводятся, то в виде отдельных лексем.

В академической среде герменевтическое направление в изучении гимнографии представлено исследованиями М.Ф. Мурьянова, С.С. Аверинцева и Е.М. Верещагина. Труды С.С. Аверинцева по ранневизантийской поэтике продолжают традиции филологической герменевтики (А.Бек, Ф.Аст). Герменевтическая линия толкования византийской гимнографии, являющая собой синтез филологического и богословского подхода, содержится в диссертации G. Grosdidier de Matons [1971] и монографии В.В. Василика [2005]. Следует отметить, что как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике отсутствуют специальные исследования, посвященные интерпретации переводного текста гимнов Триоди.

Начиная с фундаментального исследования И. Карабинова [1910], текст Триоди изучался главным образом в текстологическом направлении, при этом в поле зрения ученых чаще попадает первая часть богослужебной книги (т.е. собственно Постная Триодь). С 70-х годов XX в. ведется активная разработка этого направления как отечественными, так и зарубежными языковедами (М.А. Момина, С. Славева, Г. Попов).

Особенности нового перевода Постной и Цветной Триоди в период литургической реформы XX века анализировались А.Г. Кравецким и А.А. Плетневой. Научное издание Постной Триоди предпринято М.А. Моминой совместно с Н. Трун-те: ими опубликована первая часть древней Триоди Моисея Киянина с параллельным греческим текстом [2004]. Отсутствие подобных изданий Цветной Триоди делают ее текст недоступным широкому кругу специалистов.

Все вышеизложенное свидетельствует о **новизне** данного научного исследования и поставленных в нем задач. Впервые на первый план выдвигаются задачи интерпретации смыслового содержания гимнов Триоди в единстве его языкового и образного воплощения. Впервые разновременные славянские переводы Цветной Триоди рассмотрены в историко-культурном контексте и в кругу других гимнографических сборников. Новизна данного исследования обусловлена и **неизученностью** исследуемых памятников письменности в диахронии, в аспектах исторического словообразования, лексикологии и исторического синтаксиса, а также приемов текстопостроения. Обращение к практически не исследованным древнеславянским памятникам, принадлежащим к различным временным пластам, вводит рукописи Цветной Триоди в сферу научных изысканий лингвистов.

Научная новизна проявляется и в самом подходе к исследуемому материалу. Герменевтический подход к тексту гимнов осуществлен в диахронии, в комплексе общелингвистических и специальных теоретических методов, в постоянном соотношении с греческим материалом.

Цель данного исследования заключается в комплексном изучении разновременных переводов Цветной Триоди в русле герменевтической проблематики и теории текста, предполагающей рассмотрение текста Триоди в кругу других гимнографических источников, а также в контексте Священного Писания и гомиластики.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих

частных задач:

- установление соотношения филологической и теологической герменевтики; рассмотрение основных принципов религиозно-догматической герменевтики;
 - выявление религиозно-богословских оснований исследуемых текстов и интерпретация смыслового содержания византийской гимнографии в контексте Священного Писания, патристики и гомилетики и в кругу других литургических текстов; анализ его отражения в разновременных славянских переводах;
 - определение основных тенденций варьирования словообразовательных единиц в греческом и славянском тексте Триоди и их роли в структурной организации текста;
 - анализ лексических средств воплощения текста с точки зрения отражения богословского содержания; установление основных тенденций динамики лексической системы в плане соотношения традиции и инновации;
 - изучение варьирования синтаксических конструкций с точки зрения их стилистической функции и смысловой наполненности в византийской гимнографии, решение проблемы о соотношении “исконного” и “заимствованного” в разновременных славянских переводах;
 - рассмотрение техники и искусства переводов X – XX вв.;
 - описание образно-поэтической системы гимнов в историко-культурном контексте и в отношении к первичным христианским символам и архетипам; определение степени адекватности образа и его трансформации в разновременных переводах;
 - анализ риторических форм воплощения текста как универсального средства выражения сакрального догматического содержания; рассмотрение богословской идеи антиномичности на лингвистическом уровне;
 - изучение функционирования “текста в тексте” и выявление интертекстуальных элементов, восходящих к другим конфессиональным жанрам;
 - введение в научный оборот одного из важнейших переводных памятников.
- Основными **методами** исследования в диссертационном сочинении являются герменевтический, междисциплинарный, диахронический, сравнительно-исторический, лингвотекстологический методы, элементы статистического метода, а также структурного и мотивного анализа.

Лингвотекстологический метод используется при анализе разночтений в разновременных славянских переводах по рукописям XI– XV вв. и печатным изданиям XVII – XX вв.

Диахронический и сравнительно-исторический методы позволяют определить новаторство и преемственность каждого из переводов, выявить основные тенденции варьирования, установить место рассматриваемых языковых явлений в контексте развития литературного языка восточных славян.

Сопоставительный метод привлекается при анализе греческих соответствий и их славянских эквивалентов в тексте Триоди.

Элементы *статистического метода* дают возможность выявить частотность употребления языковых единиц. Применение статистического метода осуществля-

ется при помощи программ “Цитата из Библии” и “Тезаурус”, а также методом сплошной выборки.

Использование *структурного и мотивного анализа* позволяет выявить универсальные структурные компоненты (цитаты, реминисценции, аллюзии), восходящие к более ранним источникам и выступающие в качестве строевых элементов текста. В качестве вспомогательных также использовались *метод обратного перевода* на греческий язык и *метод реконструкции*.

Наряду с традиционными для исторического языкознания методами основным методом исследования является *герменевтический метод*. В связи с неоднозначностью трактовки этого понятия считаем необходимым внести уточнения:

1. Герменевтический метод есть *метод диахронический*, предполагающий изучение текста на протяжении его истории. Это тезис “универсальной” герменевтики.

2. Герменевтический метод есть метод изучения памятников, *написанных на древних языках*. Это тезис филологической герменевтики (А. Эрнести, Ф. Аст).

3. Герменевтический метод сближается с экзегетикой, а “общая задача филологии и экзегетики – понять написанный на чужом языке и пришедший из прошлого текст” (Г.Г. Гадамер). Филологический анализ гимнографии предполагает ее изучение в контексте патристики, литургики и литургического богословия.

4. Герменевтический метод предполагает изучение структуры текста и слова в тексте. Анализ слова и формулы-синтагмы в тексте основан на соотнесении параллельных мест и связан с принципом герменевтического круга.

5. Герменевтический подход предполагает изучение гимнографии в историко-культурном контексте, в ее отношении к древним песням восточной Церкви.

6. Герменевтический метод связан с риторикой и поэтикой и предполагает изучение риторических приемов сакрального текста.

Наконец, *междисциплинарный метод* заключается в использовании сведений смежных дисциплин – богословия, экзегетики и литургики.

Методологической основой исследования послужили основные принципы и теоретические положения Казанской лингвистической школы – диалектика языковой устойчивости и динамики, нормы и системы; принцип дифференциации как универсального процесса исторического варьирования единиц различных уровней и связанное с ним понятие варианта и инварианта; положение об универсальности языковых явлений и процессов, проявляющихся в типологически родственных языках. Определяющим является и развитый И.А. Бодуэном де Куртенэ системный подход, рассматривающий язык в триединстве семантики, прагматики и синтактики.

Теоретическая значимость исследования состоит в теоретической разработке содержательной и образной стороны гимнографии, ее источников и религиозно-богословских оснований. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о византийском влиянии на судьбы книжного литературного языка восточных славян; вносит вклад в разработку вопроса о становлении языковой нормы; содержит новые лингвистические данные, способствующие воссозданию динамических тен-

дений в славяно-русском книжном языке на различных этапах его функционирования.

Методологическая значимость исследования заключается в апробации комплексного герменевтического подхода к изучению содержательной стороны разновременных переводов византийской гимнографии в историко-культурном контексте. Универсальность данного подхода допускает и его использование при изучении сакральных текстов различной жанровой природы, а также применение в методологии богословских дисциплин – экзегетики и исторической литургики.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут послужить в качестве теоретической и практической основы для новых исследований. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в общих курсах по истории русского литературного языка, в специальных курсах по исторической лексикологии, герменевтике и теории текста, а также в курсах по исторической литургики и греческому языку в высших духовных заведениях. Результаты исследования могут послужить основой и для решения задач, связанных с вопросами соотношения славянских переводов с греческими оригиналами, в том числе и для критики греческого текста. Материалы рукописных источников могут быть в дальнейшем использованы для подготовки научных изданий памятника.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Принципы религиозно-догматической герменевтики являются универсальными, связаны с историческим языкознанием и общелингвистическими методами. Обращение к содержательной стороне гимнической поэзии предполагает и особый подход к ее изучению – подход герменевтический, включающий как общелингвистические, так и специальные методы.

2. Варьирование единиц различных языковых уровней воплощает основную проблему герменевтики – множественность выражения Единого в процессе его исторического развертывания. Варьирование на инвариантной основе является способом бытия сакрального Текста в пространстве и времени. Византийским влиянием опосредован ряд активных процессов в славяно-русском книжном языке: становление терминологической системы, сложение определенных словообразовательных моделей и парадигматических отношений в лексической системе, формирование механизма калькирования.

3. Во всех славянских переводах представлен весь набор вариантов, меняется лишь их соотношение в рамках “традиции” и “инновации”, определяющее понятие нормы. Конечным итогом варьирования становится расхождение синтаксических моделей, изначально функционирующих в качестве вариантов.

4. Логика переводов Триоди определяется диалектикой двух противоположных тенденций: “герметической” и “интерпретирующей”; со спиралевидным характером изменений, неуклонно приближающим славянский текст к языку-образцу, или цикличным, возвращающимся на новом “витке” к принципам первых переводов. Одна постоянно “развертывает” смысл греческого Логоса, вторая воспроизводит формы его выражения по “образу и подобию” оригинала. Возврат к

традициям первых переводов просматривается и в печатных Триодях афонской редакции, и в изданиях периода литургической реформы.

5. Литургический образ возникает в результате “столкновения” библейского символа, мифа и догмата. Диалектика развития образа сопровождается развертыванием мысли по спирали: от библейского перифраза – к святоотеческой формулировке, от мифа – к догмату. Ход рассуждения по аналогии проявляется в механизмах развернутой метафоры, аллегорезы и типологии, прослеживается взаимосвязь между определенным жанром или литературной формой и набором риторических приемов. В песнопениях восточной церкви функционирует значительное число образов, тем и литературных мотивов, трактуемых сходным образом и восходящих к Священному Писанию и ранним патристическим текстам.

6. Характерные для литургической поэзии парадокс и антиномия часто облекались в риторическую форму оксюморона, в основу которого положены интертекстуальные элементы, восходящие к формульному ряду Священного Писания, Символа Веры и патристики. Выявленные типы антиномий и принципы преобразования исходных формул имеют устойчивые структурно-типологические параллели в древнеармянской гимнографии.

7. Гимнография связана с патристикой и гомилетикой. Фрагменты из творений Святых Отцов заимствовались не только в форме цитат и аллюзий, но и целыми сюжетными блоками. Влияние патристики проявлялось и в особенностях авторской экзегезы. Типологические параллели из древнеармянской гимнографии позволяют восстановить общий патристический контекст, а в некоторых случаях и перевод с греческого, восходящий к глубокой древности.

8. Рассмотренные языковые процессы имеют аналоги в тексте-образце и связаны с универсальными языковыми законами, действующими в различных языках, а также с особенностями развития поэтического текста.

Основные результаты исследования представляют собой обобщение анализа содержательной структуры гимнографических источников и риторических форм его воплощения; выявление религиозно-богословских оснований этих текстов в историко-культурном контексте; обобщение основных тенденций исторической динамики языковых единиц различных уровней в разновременных славянских переводах; наблюдений над переводческой техникой и искусством переводов XI–XX вв.

Конкретные результаты исследования получены в сфере исторического словообразования и лексикологии, исторического синтаксиса русского языка, теории перевода, исторической поэтики, герменевтики и теории текста, а также в сфере смежных дисциплин – исторической литургики и экзегетики.

Апробация работы. Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры русского языка Казанского высшего военного командного училища (военного института). Диссертационное исследование также прошло обсуждение на заседании кафедры истории русского языка и языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета.

Основные положения и промежуточные результаты исследования были изложены и обсуждались на следующих конференциях:

на международных научных конференциях: “I, II, III, IV международные Бодуэновские чтения” (Казань, 2001, 2003, 2006, 2009 гг.); “XXV-ые Кирилло-Мефодиевские чтения” (Самара, 6 июня 2002 г.), “IV Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова” (Санкт-Петербург, 12-14 сентября 2002 года); “Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество” (Киев, 8-10 апреля 2003 г.); “Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации” (Ялта, 29 сентября – 4 октября 2003 г.); “Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание” (Москва, 28-30 сентября 2004 г.); “Межкультурные коммуникации” (Украина, Алушта – 2005, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.); “Православие в поликонфессиональном обществе” (Казань, 21-23 июля 2005 г.); “Язык и мир” (Украина, Ялта – 2006, 2008 гг.); “Международные рождественские образовательные чтения” (Москва, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.); “Церковь и проблемы современной коммуникации” (Нижний Новгород, 5-7 февраля 2007 г.); “В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение” (Казань, 4-7 мая 2007 г.); “Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития” (Ереван, 30 ноября – 2 декабря 2007 г.); “Языковая семантика и образ мира” (Казань, 20-22 мая 2008 г.); “Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ” (Москва, 24-26 сентября 2008 г.); “Русский язык и культура в зеркале перевода” (Салоники, 14-18 мая 2008 г.); “Дни Адама Мицкевича в Крыму” (Крым, Гурзуф 11-14 сентября 2008); “III Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения” (Крым, Севастополь 16-21 сентября 2009 г.); на международном научном конгрессе “Русский язык: исторические судьбы и современность” (Москва, 2004, 2007, 2010 гг.); на региональных научных конференциях в Казанской духовной семинарии (Казань, 2000, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг.); на итоговых научных конференциях в КГУ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованных источников, научных работ, словарей, приложения и принятых сокращений.

Содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, отмечается научная новизна, теоретическая, методологическая и практическая значимость, дается характеристика материалов и методов исследования, рассматривается история разработки вопроса, излагаются положения, выносимые на защиту, обобщаются полученные результаты исследования.

В первой главе “**Место герменевтики в кругу филологических дисциплин**” рассматриваются пути соприкосновения филологической и теологической герменевтики, приводятся основные принципы религиозно-догматической герменевтики, анализируется их трансформация в других текстоцентрических направлениях.

В первых богословских системах в основу интерпретации и лексического анализа положен тезис о тождестве языка и бытия, основанный на христианской идее инкарнации. Согласно Августину, диалектика слова связана с антиномией Единого

и многого, неизглаголанное Слово Божие выражается в человеческом слове, хотя и в искаженной форме. Затронутая Августином проблема получает продолжение у Николая Кузанского. Развивая тезис о тождестве противоречия Единого и многого, он вводит понятие о “свертывании” и “развертывании” Слова-Логоса. Традиция символично-аллегорического толкования сакральных текстов, названная У. Эко “парадигмой вуали”, примиряет два противоположных подхода, сложившиеся в греческом мире: логико-рационалистический и герметический, связанный с мистериями древности. Герменевтический феномен уясняется из интерпретирующей природы языка, “развертывающего” бесконечность подлежащего истолкованию смысла.

Дальнейшее развитие онтологическая теория слова получает у представителей феноменологического направления герменевтики на Западе (Г.Г. Гадамер, М.Хайдеггер, П.Рикер) и в России (Г.Г. Шпет), в том числе в отечественной религиозной философии (С. Булгаков, П. Флоренский, А.Ф.Лосев).

Антиномия однозначности или многозначности смысла становится основной проблемой герменевтики. Антиномичная природа слова уясняется из двойственного соотношения сущности и явления, именующего и именуемого. В свете герменевтической проблематики центральными проблемами языка становятся изучение однокоренных слов и осложнение одних и тех же корней словообразовательными элементами; изучение различных вариаций одного смысла (многозначность) и слов, связанных отношениями сходства (синонимия); наконец, изучение тропов, благодаря которым слово употребляется в “несобственном”, не принадлежащем ему смысле. Различные грани смысла раскрываются в диахронии. С антиномичной природой слова связывается соотношение *слова и понятия*, актуализирующего или “конципирующего” смысл. В “герменевтике символов” П. Рикера она предстает в ипостасях *религиозного* и *буквального* смысла, чье тождество достигается в двуединой природе символа.

Развитие герменевтики определялось взаимодействием и борьбой двух противоположных подходов к тексту. Первой подход – “вера в метод и его объективность” абсолютизирует объективность интерпретации, основанной на схематическом редуцировании и выявлении типического. Второй основан на идущем от апофатки иррационализме, порождающем субъективизм интерпретатора. Герменевтический метод тесно связан с методами *исторического языкознания*. Как отмечает Г.Г. Шпет, основой герменевтики явится филология в ее историческом направлении как наука о слове во всех обстоятельствах его употребления и развития. В трактовке Г.Г. Гадамера он предстает как процесс исторического “развертывания” значений многомерного смысла, раскрывающего в содержании предания новые аспекты значений.

В историческом движении различных герменевтических концепций филологическая герменевтика то сближается с экзегетикой, то противопоставляется ей. Оба мнения представляются несколько односторонними: с одной стороны, невозможно игнорировать различия между интерпретацией профанных и сакральных текстов, поскольку религиозная герменевтика, кроме общих, располагает и специальными методами. С другой стороны, невозможно отделение от догматики, на-

пример, при интерпретации гимнографии, поскольку догматика является непосредственным предметом ее содержания.

Основополагающим методом герменевтики является соотнесение так называемых параллельных мест, первичных формул и их парафразов. Анализ слова и формулы-синтагмы в тексте связан с принципом герменевтического круга, определяющим взаимосвязь части и целого. Применительно к структуре средневекового текста дополнение в определение “герменевтического круга” вносит В.В. Колесов: “от части к целому, от текста к его элементам”.

На основе соотнесения параллельных мест происходит выявление семантики слова. Основные методы раскрытия значения слов, перечисленные П.И. Савваитовым, используются в современной герменевтической логике. С методами теоретического языкознания связан лексико-синтаксический анализ, включающий:

- изучение лексики и грамматики текста, отличие грамматически правильных элементов от неправильных;
- выявление логики текста;
- определение структурных единиц текста и границ блоков, входящих в текст;
- соотношение первичного и вторичного текстов.

В этом плане требует уточнения понятие *текст*, весьма неоднозначно трактуемое в современной лингвистике. Определение текста как *исторической категории* дано В.В. Колесовым. Сама внутренняя форма слова *textus* (texere ‘плести’), восходит к еще более древнему представлению о *нити, сплетаемой в ткань текста*. Тем самым текст оказывается ни чем иным, как гимном – ὕμνος ‘гимн’ (от ὑφαίνειν ‘плести, ткать’). Этот исходный образ положен и в основу концепции интертекстуальности: так, Р.Барт определяет текст как новую *ткань, сотканную* из старых цитат.

Текст гимнов создан переплетением мотивов, восходящих к различным источникам и жанрам, а также к более древней, дохристианской эпохе. В первую очередь гимнография должна рассматриваться во взаимосвязи с текстом Священного Писания. Священное Писание выступает в роли архетипа, который наполняется новым содержанием во вторичных текстах, что достигается анализом связей отрывка с контекстом и соотнесением *параллельных мест*. С позиций антиномии единого и многого варьирование средств выражения предстает не только как развертывание Логоса в исторической перспективе текста, но и как способ инобытия исходных формул.

В широком смысле под вторичными формулами следует подразумевать структурные единицы текста, восходящие к более ранним источникам. Кроме цитат из Священного Писания, сюда входят формулировки соборов, Символа Веры и изречения вселенских учителей. В связи с этим литургический текст необходимо интерпретировать в контексте патристики. Особое влияние оказывала гомилетика, которая выступала не только в функции первичного источника, но в качестве посредующего звена между гимном и текстом Священного Писания.

Наконец, изучение гимнографии должно строиться в связи с соотношением ее системы образов с библейским *символом, мифом и догматом*. Изучение текста и слова в тексте основано на идее инварианта. Элементы, восходящие к единому

первичному источнику – пратексту или тексту-архетипу (Священное Писание, формулировки Символа Веры, творения Св. Отцов) образуют “мифологически-символический пласт” (К. Станчев), присутствующий в структуре художественного образа и лежащий в основе средневекового текста. Это дает возможность выявления универсальных структурных элементов, образующих “пласт-посредник”, не только в сакральных текстах, функционирующих в рамках моногенной языковой традиции, но и в различных языках и культурах. Как правило, это тексты, объединенные общей темой и находящиеся в отношении *изотопики*.

При литургическом употреблении текста происходило обогащение семантики слова, поскольку “к мифологическому значению прибавлялось и ритуальное” (К. Станчев). Становясь событием, сами священные формулы одновременно представлены как нечто постоянное и в то же время движущееся, а литургический текст становится посредником между Богом и человеком.

Инобытие формул Священного Писания в новых текстах сопровождалось богословским “сгущением” мысли, в результате которого на текстовом уровне происходило стяжение синтагмы в слово. Неуклонный рост *composita* сопровождает и развитие гимнографических жанров. Это дает основание усматривать в усложнении словообразовательной структуры слова универсальную особенность сакрального текста. Во второй главе **“Герменевтика и структура слова”** анализируются функции *composita*, занимающих центральное место в христианской письменности и гимнографии и особенности их перевода.

В п. 2. 2. рассматривается перевод *composita*, первый компонент которых обладал способностью усиливать значение слов, с которыми он сложен. В эту группу входят лексемы с компонентами *ευ-*, *παν-*, *δυσ-*, *τρι-*.

Многие *composita* не несли дополнительной семантической нагрузки, образуя параллели к однокоренным простым словам (момент *стиля*). Это являлось поддерживающим фактором для безразличного варьирования славянских эквивалентов: *прѣстѣни* / *чстѣни* – ἄκραντος, πανάκραντος, ἀγνή, ὑπέραγνος. Феноменом принципиальной невыразимости греческого Логоса обусловлено и то, что отдельные элементы смысла могут остаться не выявленными при переводе или быть эксплицированы дополнительно. Этим фактором обусловлено то, что в доафонских списках первый элемент сложений передается непоследовательно, представлены замены простым словом или описательной формулой. При переводе “усиленных” образований различного типа преобладают формы с приставкой *прѣ-* = *εὖ*, *παν*, *ὕπερ*, *τρι*. Терминологическая неустойчивость проявлялась и в накоплении ряда вариантов перевода одного и того же греческого слова. На вариант перевода влияние оказывал контекст, где славянский эквивалент выступал в роли синкреты, вбирающей значения близкозначных слов.

Принципиальная установка на воспроизведение структурных особенностей оригинала появляется в Афонской редакции, где широко используется прием калькирования. В связи с усилением внимания к структуре слова словообразовательные элементы принимают на себя важную роль в дифференциации греческих слов. Каждому элементу подбирается однозначное соответствие: *ευ* = *благо*, *δυσ* = *зло*, *παν* = *все*, *ὕπερ* = *пре*. Проводится дифференциация компонентов *три-* и *трѣ-* в за-

висимости от усилительного или числового значения компонента $\tau\rho\iota\sigma$ -. Устраняется терминологическая многозначность, передается внутренняя форма, воспроизводится “нанизывание” префиксов.

Отметим, что в литургической поэзии словообразовательные элементы являются неотъемлемой частью текста как целого. С усилением калькирования адекватно передаются риторические фигуры оригинала, значимые для образного и догматического содержания.

При диахроническом варьировании возрастает внимание переводчиков к структуре слова, обнаруживая связь морфемы со смыслом. В п. 2. 3. рассматриваются особенности перевода префиксальных образований. В доафонских списках префиксальные образования могут заменяться бесприставочными эквивалентами или предложно-падежными сочетаниями. В *Аф* они вытесняются кальками, образующими лексические и словообразовательные парадигмы: *πρостάτης* ‘стоящий впереди’; ‘заступник, покровитель, начальник передового войска’ – *застѹпникъ* // *прѣстатель*, *προστασία* ‘стояние впереди’; ‘защита’ – *помощница* // *предстательство*, *περίστασις* ‘стояние кругом’; ‘обстоятельство, ос. несчастье’ – *напастъ* // *окстоаніе*.

Отметим, что первоначальные эквиваленты не способны исчерпать смысл греческого Логоса. Так, архистратиг Михаил раскрывается в тексте как ‘стоящий впереди’, как ‘заступник’ и ‘проситель’, наконец, ‘начальник воинства’ – *πρεστωλ прѣстоа клѣню..иже тебе прѣстателя тепла сътаждавшѣихъ; чинона чалниче • свѣтоу великомъ присно прѣстоа*.

Каждому элементу переводчики пытаются подобрать однозначное соответствие: $\epsilon\kappa$ – из; $\alpha\pi\omicron$ – ѿ; $\epsilon\pi\iota$ – на; $\pi\rho\omicron$ – пред; $\pi\epsilon\rho\iota$ – ок. В результате устраняется стихийность словоупотребления, характерная для доафонских списков: *про* – *преже*, *реди*, *про-*, *пре-*, *при-*, *за-*. С усилением экспрессивной функции приставки *пре-* как соответствия префикса $\pi\alpha\rho\alpha$ - она вытесняется из позиций, не мотивированных оригиналом.

В *НТ* инновации Афонской редакции проводятся более последовательно. Частичный “возврат” к принципам перевода доафонских рукописей наблюдается в Триоди под редакцией Сергия Страгородского: *καϋσῆν* – *прѣкрѣтосъ*, *κεδστѣхюще* – *просκινδυνεύοντες*, *σῆνωκλα* *предуказаніа* – *просκία*.

В п. 2. 3. 1. анализируются особенности перевода образований с префиксом совместности. В греческом языке глаголы, сложенные с элементом $\sigma\upsilon\nu$ -, обозначают общность действия или состояния, единение или согласие. В христианской литературе созданные при его помощи богословские термины служат для выражения осуществленного через человека “синтеза Бога и тварного мира, который является сущностью всей христианской антропологии” (В.Н.Лосский).

Уже в древних славянских переводах сложилась триада синтаксических вариантов:

1) бесприставочный глагол + *съ* + *Тв. над.* (“исконная” конструкция); 2) префиксальный глагол + *съ* + *Тв. над.* (контаминированная “усиленная” конструкция); 3) префиксальный глагол + *Дат. над.* (“грецизированная” конструкция). Послед-

ная модель в доафонских рукописях представлена единичными примерами, доминирует “исконная” конструкция.

Сложившуюся вариативность можно рассматривать как “отраженную синонимию”, существующую в языке-образце, где, начиная с перевода LXX, возрастает число глаголов, сложенных с префиксом *συν*. Отметим следующие способы выражения совместного действия: 1) глагол, сложенный с префиксом *συν + Dat.*; 2) бесприставочный глагол + *Dat. с предлогом συν*; 3) бесприставочный глагол + *Dat. без предлога*; 4) глагол, сложенный с префиксом *συν + Dat. с предлогом συν*; 5) бесприставочный глагол + *Gen. с предлогом μετά*; 6) глагол, сложенный с префиксом *συν + Gen. с предлогом μετά*. Уже существующие глаголы в тексте НЗ и патристической литературе получают переносные значения, что создает условия для символической, а затем и семантической сверхдифференциации.

В переводе *Аф*, а затем в *НТ* усиливаются позиции грецизированной модели, в результате происходит окончательное размежевание конструкций и закрепление их уже в различных языках – русском и церковнославянском. В Триоди под редакцией Сергия Страгородского вновь доминирует “исконный” вариант, что соответствовало ориентации на норму русского литературного языка.

Диаметрально противоположный подход к тексту можно проиллюстрировать на примере фрагмента, восходящего к Посланию к Ефесянам [Еф. 2: 4-6]. Префикс *συν*- несет основную нагрузку в отражении идеи “универсальной сим-патии”, преодолевающей противоречие между Богом и миром.

ὥς ἀγαπήσας γὰρ, *συνεκάθισας*,
ὥς *συμπαθήσας* δὲ, ἦνωσας σεαυτῷ
ὥς ἐνώσας *συνέπαθες*
ὥς ἀπαθῆς παθὼν δὲ, *συνεδόξασας*

НТ	ЦТ редакции Сергия Страгородского
ЯКО БО КЪЗЛЮБИКЪ СЪПОСАДИНАЪ ЕСИ ЯКО ПОМНОГОКАКЪ СЪЕДИНИНАЪ ЕСИ СЕБѢ ЯКО СЪЕДИНИКЪИ СПОСТРАДАЛАЪ ЯКО БЕЗСТРАСТЕНЪ ПОСТРАДАКАЪ И СПРОСЛАБИНАЪ ЕСИ	ЯКОУ БО КЪЗЛЮБИКИИ СЪ СОБОЮ ПОСАДИНАЪ ЕСИ: И ЯКОУ ПОМНОГОКАКИИ, СОЕДИНИНАЪ ЕСИ СЕБѢ: ЯКОУ СОЕДИНИКЪИИ, ПОСТРАДАЛАЪ ЕСИ СЪ НИМЪ: ЯКОУ БЕЗСТРАСТЕНЪ ПОСТРАДАКАИИ, СЪ СОБОЮ ПРОСЛАВИНАЪ ЕСИ.

Далее в п.2.3.1.1. рассматривается перевод именных образований с этим префиксом. В доафонских списках наблюдается варьирование префиксальных образований и предложно-падежных сочетаний, на выбор варианта перевода влияние оказывало и внутритекстовое варьирование в оригинале.

В ряде случаев отклонения от принятой системы эквивалентов связаны с *интерпретацией* текста, например: ὁ ἐν κόλποις ἔχει *συναΐδιον* – его же имѣкѣ надрѣхъ *сѣ собою* // его же кѣ надрѣхъ имать *прииснобѣща*. Аллюзируется теологумен о вечном *сопребывании* – и до воплощения и по воплощении – Сына с Отцом: ὁ Μονογενὴς Υἱὸς, ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον τοῦ Πατρὸς, Ἐκεῖνος ἐξηγήσατο [Ин. 1: 18]. Фрагмент по контексту речи ближе к толкованию Иоанна Златоуста: ἀνάρχως καὶ αἰδίως ἐν τῷ κόλπῳ τοῦ πατρὸς εἶπὼν. Возможно предположение как о паронимии в оригинале: *συν ἴδιον* (ἴδιος ‘свой, собственный’), так и о приеме *апроксимации* в переводе (термин Е.М. Верещагина).

Есть примеры контекстуального перевода, а также выравнивания по исходному тексту Священного Писания: **кѡ роуѡ низлаѡженѡ • проданѡ кѡѣ *свою* брѡтнѣю** (συγγόνοις) [МК 156 об. Тип.12 об.]. Проясняется затекст жития Иосифа Прекрасного, проданного братьями [Быт. 36: 24-28].

В *Аф* число калек увеличивается, калькирование остается господствующей тенденцией и в последующих переводах. В п. 2.3.2. анализируются особенности функционирования и перевода апофатических терминов. Образование апофатической терминологии стимулируется и риторической формой, в которую облачается догматическое содержание, например: **ѡдино на чало прена чалное на чало • безна чалѡ** **ѡ** кѡѣтка ѡ сущѣстка – ἀρχὴν ὑπεράρχιον ὡμῶν ἀνάρχου θεότητος καὶ οὐσιότητος.

Славянские отрицательные термины могли соответствовать нескольким греческим. И наоборот, одни и те же термины переводились по-разному в зависимости от ключевого слова и структуры текста: **незаходѡщи** (ἄχρονος) **сѡѣтъ**, но **кѡ лѣто безлѣтнаго** (ἄχρονος) **неизреченно** рождѡу.

Наконец, славянские отрицательные термины могли передавать по смыслу composita других типов: παρᾱ-, ἀπειρ-, δυσ = α.

В *Аф* значения греческих слов распределяются между разными соответствиями, усложняются словообразовательные модели, возрастает количество калек, образуются синонимические и градуальные ряды:

Доафонские списки	Афонская редакция
δυσεβής ἀσεβής нечѣстникѡи	δυσεβής – злочѣстникѡи ἀσεβής – нечѣстникѡи
ἀπειρόκακος ἄκακος незлобникѡ ἀνεξίκακος	ἀπειρόκακος – неискоуѣзловникѡи ἄκακος – незлобникѡ ἀνεξίκακος – беззлобникѡ
παράφρων ἄφρων безоумникѡи ἄγνώμων	παράφρων – пребезоумникѡи ἄφρων – безоумникѡи ἄγνώμων – неразоумникѡи

Унифицируется перевод однокоренных слов: **бесплотными** // **небещѣстѣнными** **ѡ** – αὐλῶν; **плотѣскиѡ** // **вещнаѡ** – ὕλῳδη. Калькируются термины, передававшиеся синонимами без отрицательного префикса: **зѡбѡтеникѡ** // **беспамѡтникѡ** – ἀμνήμων, **сѡблѡзнѡ** // **безмѣстникѡи** – ἀτόπημος и т.д.

Устраняется терминологический разнобой в переводе ключевых терминов:

Доафонские списки	Афонская редакция
ἀδιαίρετος ἄτμητος нераздѣленѡ	ἀδιαίρετος нераздѣленѡ ἄτμητος непрѣсекомѡи
ἄφυρτος ἀσύχυτος несмѣсенѡ	ἄφυρτος несмѣсенѡ ἀσύχυτος несливанѡнѡ

Ряд разночтений связан с “отраженной паронимией”: **иже кѡ сѡѣтѣ некидимѡ соущѡ** // **иже кѡ сѡѣтѣ присносоущне^м сѡщѡаго** – αἰδῖος ‘постоянный, вечный’

/*άϊδηλος ‘невидимый’, ЗАБЛЖЖША КЖ БЕЗАКОННЪИ СЪМЪ ЖИТІЕМЪ // КЕСПОУТІЕМЪ – *άνομία ‘грех, беззаконие’ / άνοδία ‘бездорожье’.

Сложившиеся в *Аф* тенденции остаются господствующими и в Никоновской Триоди. В Триоди под редакцией Сергия Страгородского появляются примеры отказа от калькирования: ИЗОКИЛАНЮ (ἰσθονος), ЖЕСТОСЕРДІЕ (τὸ ἄσυνπαθές), СМРТА ЛЮТЮ (τὸ ἀμειδές), КНЕЗАПНОЕ (ἄωρον).

Уже в доафонских списках наблюдается свободное варьирование калек греческих терминов и предложно-падежных сочетаний, послуживших им основой.

Еще шире представлен описательный перевод наречий. В *Аф* систематически используются кальки, дифференцируются отрицательные наречия и предложно-падежные формы в функции наречий. Постепенное вытеснение предложно-падежных сочетаний конфиксальными формами нельзя полностью отнести за счет византийского влияния, поскольку они начинают употребляться и независимо от оригинала. Варьирование формул инвариантного содержания в “общих местах” языка-архетипа и традиционность средств выражения выступили в роли поддерживающего фактора их длительного сохранения.

В п. 2. 4. рассматриваются основные типы словосложений. Большая часть византийских сложений соотносима с синтаксической связью определяемого и определяющего, которая проявляется в контексте речи. Наиболее продуктивными являлись компоненты θεο-, ζωο-, φιλο-, ὁμο-, ἰσο-.

Ряд сложных слов с этими компонентами в доафонских списках передается описательно или заменяется простым словом.

На отбор лексических эквивалентов влияние оказывала библейская формульность. Так, наряду с библейскими πηγὴ ζωῆς “Источник жизни”, ὕδωρ ζωῆς, ὕδωρ ζωῶν “Вода жизни”, в гимнах функционируют формулы, возникшие в результате “свертывания” синтагмы: πηγὴ ὕδατος ἀλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον “Источник воды, текущей в Жизнь Вечную» [Ин. 4: 14]. Переводчики часто брали за основу исходные выражения: ИСТОЧНИКЪ ЖИВАН – ἡ πηγὴ αἰείζωος, КОДУ ЖИКОТЪ СХТКОРА – ναὶάτων ζωοποιῶν, КОДЪ ЖИКЪ – ὕδωρ ζωηρόν.

В доафонских рукописях находит отражение неустоявшийся характер славянской богословской терминологии. Так, ряд тринитарных терминов с элементом ὁμο- ‘один и тот же’ в доафонских списках передается префиксоидами РАКНО-, КОУПНО-, ЕДИННО-, КСЕ-, отмечены случаи синонимического варьирования, например: ὁμοούσιος – ОМОУСИА / ЕДИНОСОУЩАНЪ / ЕДИНОСОУЩАСТВО / РАКАНОСОУЩАСТКАНЪ / КОУПНОЖСТАСТКАНЪ / РАКАНОСУЩАНЪ / ЕДИНЪ СХИИ // ЕДИНОСОУЩЕНЪ. В *Аф* закрепляется однозначное соответствие ὁμο = ЕДИННО.

Некоторые “инновации”, канонизированные евфимиевской реформой, появились уже на раннем этапе исправления Триоди, при этом они еще контекстуально связаны. Для доафонских списков нормой являются соответствия ПРАКОКЪРНИИ, ПРАКОКЪРНО. Единичным употреблением представлена калька, появление которой мотивировано риторическими особенностями оригинала:

Κοῦπινου τῆς νεοπαλινμου · и гороу и лѣствицу дѣхноу · и двара неѣсноу
 δόξασμεν) мѣне **сЛАВНА** · (ἐνδοξε) **πρωοσЛАВΝΙΜΑ**
 (ὀρθοδόξων) похвала [Тип. 143 об.].

Второй компонент сложения в доафонских списках часто не находит отражения, есть примеры описательного перевода: **ЗЕМНЪ** – γηγενής, **смѣртнѣ** – θανατήφορος, **дѣхнѣ** – πνευματέμφορος; ζωοπιέω – оживити, καινοποιέω – обновляти, χαρόποιος – радостнѣ, ζωόποιος – **живота** сътворѣ. В диахронии прослеживается переход от широкой вариативности к единообразию в передаче элементов сложных слов, формулы “свертываются” в композиты. Господство калькирования ведет к установлению парадигматических связей между лексемами, находящимися в отношениях производности, по образу и подобию оригинала: ἱεροουργός – ἱεροουργέω, **сщ҃еннодѣлствовати** – **сщ҃нодѣтелѣ**.

Системный характер переводческих принципов проиллюстрируем на примере инновации **Аф** радостнотворнѣ. Калька впервые отмечена нами в поздней редакции паримий. Сложное слово χαρόποιος появляется у LXX, в языке НЗ прилагательные, сложенные с этим корнем, равнозначны соответствующим простым словам, что подтверждает варьирование в стихирах Триоди: **χαρόποια** σύμβολα, **εὐφροσύνης** σύμβολα. Это создало условия для единообразного перевода в **Гим**: радостнѣ знаменнѣ – χαρόποια σύμβολα, εὐφροσύνης σύμβολα, а затем и объединения “традиции” и “инновации” в повторяющихся чтениях **Аф**: радостнотворнѣ образѣ// радостнѣ знаменнѣ – **χαρόποια** σύμβολα.

В п. 2.4.1. рассматриваются особенности перевода неологизмов. Антиномия образования неологизмов выражена С. Булгаковым: человеческая речь, как и история языка, представляет собой непрестанное словотворчество, при этом новые слова создаются из уже существующего материала.

Ряд неологизмов, восходящих к Символу Веры, образован путем стяжения синтагмы: πατρογενήτος ‘рожденный от Отца’ – τὸν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα πρὸ πάντων αἰώνων; πατροπροβλήτος ‘исходящий от Отца’ – τὸ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορευόμενον, προφητοφθέκτος ‘возвешенный через пророков’ – τὸ λαλήσαν διὰ προφητῶν. Некоторые восходят к НЗ: πατρακουσθεῖς ‘услышанное от Отца’ – ὁ λόγος, ὃν ἀκούετε, οὐκ ἐστὶν ἑμὸς, ἀλλὰ τοῦ πέμψαντός με πατρός [Ио. 14: 24]. В рукописях **Гим** единый смысл “облекается” в единую форму: **Ѡ** оцѣ роженѣ – πατρογενήτου, роженому **Ѡ** оцѣ – γόνω τѣ παтрὸς, **мзѣикомѣ ѡгнѣннѣ** κινѣкнѣмѣ – γλοσσοपुरσεύτω θεῶ, πурίνων εἶδει γλωσσῶν – **ѡгнѣннѣ** κинѣкнѣмѣ **мзѣикѣ**, в **Аф** формулы дифференцируются

Динамика переводного текста сопровождается увеличением composita и усилением позиций калькирования. В **НТ** ряды неологизмов пополняют **матередека**, **дождоточити**, **нощекорющисѣ**, **мироспасителнѣ**, **незакнстодателѣ**.

Частичный возврат к принципам перевода доафонских рукописей происходит в период литургической реформы. Смену переводческих установок проиллюстрируем при помощи таблицы:

Гим	Аф	НТ	СТ
-----	----	----	----

ДНѢКНѢНА СѢ'ѢТЛѢІА ОЦА ИСХОДНО Ѡ ОЦА РОЖЕНА ПРРКѢІ К'ѢЩАНАГО ОТЪ ОЦА КНННОЕ СТРАННО ОУСЛѢШАНАІ ОУДОБРЕННЕ РЕКНИТЕЛА РАДОСТѢ ТКОРА ОБНОБИТИ	ДНЕСК'ѢТЛѢІН ОЧЕНСХОДНО ОЧЕРЖ'ѢТКЕНА ПРР'КОВ'ѢЩАТЕЛНАІН ОЧЕЮ СИЛОЮ КННОСѢТКОРЕНО СТРАННОСЛѢШАША ДОБРОТКОРЕНІЕ РЕКНООБРАЗНИКѢ РАДОСТНАІ ТКОРА ОБНОБИТИ НОКОТКОРИТИ	= Аф ОЧЕНСХОДНОЕ = Аф ОЧЕСИЛНОЕ КННОСОТКОРЕННОЕ = Аф = Аф = Аф РАДОСТНОТКОРИКѢІН НОКОСОТКОРИТИ	= Аф Ѡ ОЦА ИСХОДАЩИН РОЖДЕННАГО Ѡ ОЦА КО ПР'РЦ'ѢХѢ К'ѢЩАКѢШО ОЦѢ, РАКНОМОЩНАІН Ѡ КННА СОТКОРЕННОЕ СЛѢШАША СТРАННАІ Р'ѢЧН ДОБРОЕ ТКОРЕНІЕ ЗАВИСТНИКѢ РАДОСТѢ СѢТКОРИКѢІН НОКѢІ СѢТКОРИТИ
--	--	---	--

Наконец, в доафонских списках часто встречаются кальки с обратным порядком компонентов (п. 2.4.2.). В *Аф*, а затем в *НТ* прослеживается последовательная замена “перевернутых” калек полными. Обратный процесс, с сопутствующим распадом сложений на синтагмы и отступлением от структуры и порядка компонентов наблюдается в Триоди под редакцией Сергия Страгородского

Двунаправленный процесс, положенный в основу герменевтики: истолкование текста и его интерпретация – отразился в доафонских переводах, где славянский текст является своеобразным *парафразом* к греческому сложному термину. Усложнение словообразовательных моделей является отражением общих закономерностей развития языка средневековой славянской книжности. Однако и в языке-образце наблюдается рост префиксальных образований, “нанизывание” аффиксов друг на друга, что свидетельствует о проявлении универсальных закономерностей, действующих в различных языках. В изданиях периода литургической реформы просматривается возврат к принципам перевода доафонских рукописей, демонстрирующий циклический характер изменений: уменьшение калек и неологизмов, подбор смысловых эквивалентов и развертывание композитов в синтагмы, “славянский” порядок компонентов сложений.

Лексическое варьирование воплощает основную проблему герменевтики – множественность выражения Единого в процессе его исторического развертывания. В третьей главе **“Основные тенденции лексического варьирования”** прослеживается логика изменений в системе лексических эквивалентов на протяжении истории славянской Триоди.

В п. 3. 1. рассматривается динамика лексического состава в доафонских рукописях. Некоторые песнопения оставлены в прежнем переводе, другие подвергнуты значительным изменениям. В ряде случаев эквиваленты, воспринятые при последующем редактировании, известны уже тексту *МК*, но являются менее употребительными. Так, гиперонимом *бракѣ* передаются слова *υἱός*, ‘пир’, ‘брачное торжество’ и *νομφών* ‘шатер (жениха)’. Дифференциации интегральных сем способствует совмещение греческих эквивалентов при синтаксическом параллелизме: *открѣстѣ кѣистѣ ѱалтогѣ* (*νομφών*) • *оуготокисѣ сѣ намѣ кѣии бракѣ* (*υἱός*). В *Гим* дифференциация проводится через все чтения.

Разрушение сложившейся системы эквивалентов характеризует и судьба синонимов **БЕЗДНА** и **ГЛУБИНА**, передававших соответствия βάθος ‘глубина’, ‘пер. обилие, бездна’ и ὄψος ‘глубокий’, ‘неизмеримый’. Метафорический перенос и объединение в рамках синтаксического параллелизма способствовало выработыванию признаков сходства. В результате в тексте *Гим* в отдельных контекстах греческое ὄψος начинает передаваться соответствием **ГЛУБИНА**.

Характерной чертой доафонских рукописей является *флуктуация* (термин Е.М. Верещагина) в сфере богословской терминологии, сочетающаяся с семантическим *синкретизмом*. В доафонских списках сложился ряд синонимических параллелей при переводе одних и тех же греческих слов: **РОДЪ** / **НАРОДЪ** / **СОУЩАСТКО** / **КСТАСТКО** / **ОУСИНА** / **ОУПОСТАСЪ** – οὐσία, **РОДЪ** / **КСТАСТКО** – φύσις. Дифференциация проводится в контекстах, где термины находятся в отношении сопоставления или противопоставления и *эксплицированы* в оригинале. Варьирование используется при синтаксическом параллелизме в целях избежания лексического повтора и углубления семантической перспективы.

Присутствует большое число непереуведенных грецизмов: **АКРОТОМЪ**, **СПИРА**, **КЪТЪРЪ**, **ОМОУОУСИОСЪ**, **КРИПИДА**, **ОУСИНА**, **ПАНТИКОСТЪНА**, **ПАРАКЛИТЪ** и др.

Уже в *Гим* просматривается исчезновение неосвоенных грецизмов, а также постепенная замена их славянскими соответствиями. Наблюдается и замена некоторых соответствий структурными и семантическими кальками. Динамика лексического состава сопровождается изменениями и на других языковых уровнях – морфологическом, словообразовательном, синтаксическом. Характер преобразований позволяет сделать вывод о том, что одной из целей редактирования было сближение с греческим подлинником.

В п. 3.2. анализируются тенденции лексического варьирования в афонской редакции. В диахронии возрастает удельный вес калек, наблюдается морфологическое “выравнивание” в соответствии с оригиналом, в синонимические ряды организуются варианты, сложившиеся в различных переводческих школах.

Продолжается процесс вытеснения германизмов и непереуведенных грецизмов славянскими соответствиями, наметившийся в списках *Гим*.

Устраняется лексика, использующаяся в роли сакральных символов и имеющая отчетливый “профанный” или языческий характер. Ряд общеславянских слов заменяется ранними или поздними сербизмами и болгаризмами.

Замены лексических архаизмов представляют самую малочисленную группу и в целом не характерны для афонской редакции.

При сохранении вариативности как способа бытия переводного текста изменяется соотношение между вариантами: то, что было инновацией, становится нормой для нового перевода Триоди.

Если в доафонских списках славянское соответствие может передавать несколько синонимичных лексем, то новые переводчики Триоди пытаются закрепить за каждым словом однозначный эквивалент. Первая форма многозначности, развившаяся на основе расширения объема слова-синкреты, начинает разрушаться. Процесс распада семантического синкретизма освещается в п. 3.3.

Так, в доафонских списках славянское **окрѣзѣ** вбирает семантику целого ряда соответствий – *σκόπος, εἶκων, μόρφος, τρόπος, τύπος, σχήμα, σύμβολον*, и даже *ἐν τῷ μορφοῦσθαι*. Новые переводчики пытаются разграничить основные значения слова **окрѣзѣ** на лексическом уровне, складывающиеся синонимические ряды позволяют передать многозначность оригинала: *τρόπος* ‘способ, образ’ – **окрѣзѣ**, ‘характер, нрав’ – **нрѣкѣ**; *τύπος* ‘прототип, прообраз’ – **окрѣзѣ**, ‘подобие’ – **подокѣ**; *σύμβολον* ‘образ, символ’ – **окрѣзѣ**, **изокрѣженіѣ**; ‘знамение, предзнаменование’ – **знаменіѣ**.

Разветвленной семантикой обладало слово οὐστακῶν, передающее греческие ὄρος, ὀρισμός, θεσμός, προθεσμία и даже ὑπόστασις. В *Аф* значения распределяются между несколькими соответствиями: сѣборѣ – θεσμός, прѣделѣ – ὄρος, повѣление – ὀρισμός, сѣстаκѣ – ὑπόστασις, предѣстановленіе – προθεσμία.

Тесная связь передачи многозначности подлинника с интерпретацией текста прослеживается при отборе соответствий глагола φιλέω ‘люблю’; ‘целую, приветствую’: **ΛΥΒΙΤΙ — ΛΟΒΖΑΤΙ**.

Распад семантического синкретизма сопровождается унификацией системы эквивалентов (п. 3.4.).

Перевод доафонских рукописей ориентирован на синтагму и контекст речи, по существу и сам текст явлен в качестве “контекста”. В доафонских списках действует *принцип перевода по ключевым словам*, сформулированный Е.М. Верещагиным. По смыслу имени переводятся глагольные формативы: *πασχοῦ χςζ* **ПОЖРЕ** – ἐπετέλεσε; *γκοζδμ* **ПРИГКОЗДИСА** – ἦλοις προσηλώθη, но *распнзиса* на κρστ'κ – τῷ σταυρῷ προσηλωθείς.

Синкретизмом славянской лексики мотивирована и тенденция к *паллиологии*, направленной на установление текстовой и словообразовательной мотивации между связанными по смыслу лексемами оригинала. Развертывание ключевого слова в формулу приводит к однокорневому повтору: и кѡ **одѣнне** славы **одѣкѡ** – κοσμήσας, **сѣврасѡ** оубо **сѣворище** юденско – συνέτρεχε. “Семантическая редупликация” используется и для объединения разнонаправленных смыслов: ꙗѡти **хлѣкѡ** ꙗпиталѡ ꙗси **гси** · тѣисѡша дѡчюшихѡ · и насѣишишисѡ **изѣитѡ** · на дроугѡна мнѡстѡ · спсе **изѣитѡ** **ѡстѡ** – πέντε ἄρτοις ἐξέθρεψας, χιλιάδας πεινώντων καὶ τοῦ κόρου τὰ λείψανα, εἰς ἄλλας μυριάδας, Σωτὴρ ἐπερίσσευσας. Автор древнего перевода приблизил текст к исходному евангельскому чтению [Мф. 14: 20; Ин.6:13].

Отношения между ключевым словом и его глагольным “дополнением” в диахронии сопровождаются *гиперонимизацией*, развитием в системе языка слов все более общего (родового по отношению к предшествующим) значения. В *Аф* используются эквиваленты, “внутренняя форма” которых совпадала с греческими: *сзкрзшити* – ἐπιτελέω, *оукрасити* – κοσμέω, *сзтѣкатиса* – συντρέχω и т.д.

С обретением “самостоятельного” значения слово высвобождается из синтагмы. Расширение семантического объема славянских эквивалентов сопровождается развитием переносных значений и переходом к многозначности. Принцип *подо-*

бия как единства формы и содержания становится основополагающим в новой переводческой доктрине. Объектом нового перевода становится отдельное слово в совокупности его структурных элементов. Складываются парадигмы и иерархические последовательности “по образу и подобию” оригинала.

История понятий сопровождается выведением слова за пределы исходной области употребления, расширением или ограничением их значений. **П. 3.4.1.** посвящен богословской терминологии, созданной на базе общеупотребительной лексики.

Основной тенденцией при переводе богословской терминологии была точность в передаче греческих терминов. Устраняется разветвленная синонимия и флуктуация, характерная для начального этапа развития терминологии, в сфере ключевых тринитарных и христологических терминов, и в этом аспекте развитие славянской богословской терминологии в определенном смысле повторяет этапы становления терминологии византийской.

Воспроизведение “внутренней формы” греческих соответствий сопровождается развитием переносных значений, в результате сохраняется образность оригинала. Стремление к закреплению славянских соответствий за определенными греческими словами приводит к новой форме многозначности и синонимии, отражающей состояние в языке оригинала.

Ряд разночтений между редакциями объясняется не собственно лингвистическими причинами, а богословским толкованием текста (**п. 3.5.**). Лексические варианты, входящие в эту группу, несут информацию о богословской компетенции переводчика, знании Священного Писания, предпочтениях догматического характера. Сложившийся уже в ранних славянских переводах прием “выравнивания” по исходному библейскому тексту еще не носит систематического характера. Программный характер он приобретает только в ходе литургической реформы XIX – XX веков.

В **п. 3. 6.** и **3.6.1.** рассматривается использование приема калькирования. Начально, будучи одной из форм познания и восприятия нового (христианского) содержания, прием калькирования часто использовался в случаях “повышенной герменевтической сложности”. Как формулирует данный языковой феномен Блаженный Августин, неоднозначные слова самого подлинника часто обманывают переводчика, и он, не поняв хорошо мыслей, дает им такое значение, которое не соотносится с намерением Писателя. Об этом свидетельствуют неудачные кальки в доафонских списках, связанные с неверной интерпретацией структуры греческого слова: *присно слежаща* – *πρὶν ἀποκείμενα*; *непьющи* – *ἄπOTOS* ‘непригодный для питья’; ‘непьющий’; *прѣкраснѣи* – *ὑπερκόσμιος* ‘находящийся выше здешнего мира’.

В *Аф* калькирование получает статус основополагающего переводческого принципа и характерной стилистической приметы. Наряду с использованием эквивалентов, выработанных в разных переводческих школах, афонские справщики предпринимают новый перевод греческих слов: *подкизати* – *συκλινέω* ‘вместе двигаю’; ‘подстрекаю’, *вѣсажѣнии* – *ἐμφυτός* ‘насажденный’, ‘врожденный’, *вѣочити* – *ὄμωσθαι*, *вѣоинствокати* – *στρατεύω* и т.д. Часто во имя точности пере-

водчики передают первичное значение греческого слова, тогда как в доафонских списках актуализировано контекстное значение.

Изменения носят систематический характер, охватывая ряд производных. Получают адекватный перевод термины, подвергнувшиеся *искажению* или оставленные без перевода: **σποδαστὸς** – σπόδης, **λικостояνίη** – χορостаσία.

В п. 3.7. “Паронимия как феномен перевода” рассматривается варьирование на основе паронимии как вследствие варьирования в греческих списках (п.3.7.2.), так и в результате ошибок переводчиков (п.3.7.1.).

В составе фрагментов повышенной герменевтической сложности – иносказательных выражений, тропов и фигур оригинала, критерием истины является согласие с иносказательным, типическим или тропным значением отрывка. На выбор переводчика оказывали влияние “параллельные места” и библейские аллюзии, а также литургический контекст.

Ряд вариантов обусловлен доктринальными соображениями. В пользу наличия вариантов в оригинале свидетельствует принцип учета личности автора и длительная традиция варьирования определенных греческих корней.

Как пишет блаженный Августин, “иногда неоднозначность зависит от сомнительного звука слогов и потому преимущественно относится к произношению”. Ряд разночтений обязан смешению гласных дифтонгического и монофтонгического происхождения: ου-υ, αι-ε, οι-ει-ι-η-υ (**п.3.7.3.**). Являясь свидетелем несохранившейся византийской рукописной традиции, перевод может служить материалом для реконструкции подлинника.

В п. 3.8. рассматриваются основные тенденции лексического варьирования в церковнославянском языке. Прослеживается судьба Афонской редакции в печатных изданиях XVII в. (п. 3.8.1.). Возврат к старому переводу наблюдается во фрагментах, испытавших значительную грецизацию.

В области словоупотребления можно указать на следующие особенности:

а) уменьшение числа калек: БОГАТЫИ // ИЗБРАННИИ – περιούσιος,
ВКОИННТИСА // **ΚΟΟΡΥΖΗΤΙΣΑ** – στρατεύω, БЕЗГОДНАИ // ΚΝΕΖΑΠΝΑИ– ἄωρον,
ИСТЪШАНІЕ // ΣΧΗΜΙΡΕΝІЕ – κένωσις.

б) “возврат” к лексическим эквивалентам доафонских списков: δρῦκκο – φυτόν, миря – εἰρήνη, οὐστακя – ὄρισμός.

в) увеличение числа лексических грецизмов.

В плане переводческой техники для Триодей этой группы характерно широкое применение приема *конфляции*.

а) соположение славянского эквивалента *Гим* с непереуведенным грецизмом (двуязычные дублеты): камень **адамантиа** – ἀδάμαντος.

б) совмещение эквивалентов *Aφ* и *Γ_{им}*: ΠΟΚΤΛΕΝΙΙΑ ΟΥΣΤΑΚΧ – ὀρισμός.

в) совмещение вариантов *Аф* и *Гим*, восходящих к византийским различиям: преукрашена слакою бж҃сткеною тайною – $\theta\epsilon\acute{\iota}\kappa\tilde{\eta}$, бж҃сткеною (*Аф*) // тайною (*Гим*). Варианты восходят к различиям $\theta\epsilon\acute{\iota}\kappa\tilde{\eta}$ // $\mu\sigma\tau\acute{\iota}\kappa\tilde{\eta}$.

В отдельную группу можно выделить варианты, поддерживающиеся “параллельными местами” и доктринальными соображениями.

Расширение текста происходит и в результате развертывания ключевого слова до метафоры:

яко крилати <орли> словоу помощи прїидосте ꙗкоблженїи ѿ конца ко вхселенїа сѣракѣ дхѣ стѣни — ὡς ὑπόπτεροι τῷ Λόγῳ βοηθήσαντες ἥκετε θεομακάριστοι... Прилагательное ὑπόπτερος в переносном смысле означает ‘быстрый’. Метафора возникает под влиянием библейской символики. По аллегорическому толкованию Отцов Церкви, на основании Мф. 24: 28 крылатым орлам уподобляются ученики Христа, а также *все христолубивые люди, поднимающиеся на крыльях Св. Духа*. Вариант устойчивой формулы ὑπόπτεροι ἄετοί встречается в канонах Апостолом.

Независимо от оригинала в текст вносятся и трафаретные формулы:

копїемѣ прободена ти ребра <испытанѣ> разꙋма наполняе" мира близнеца — λόγῃ διὰ σιγῆς σου πλευρᾶς, σοφίας καὶ γνώσεως, ἀναπληρᾷ τὸν κόσμον ὁ Δίδιμος. Вносится формула, связанная с основным воспоминанием — испытанием прободенного ребра Спасителя “десницею любопытною”.

Примеры расширения текста присутствуют и в доафонских списках, но обычно носят уточняющий характер: многоцѣнное мїро — τὸ πολύτιμον, беззаконнѣихъ людїи — τῶν ἀνόμων и т.д. Древний переводчик развертывает исходный смысл, в центре внимания новых справщиков — традиционный *символ*. В целом эта разновидность Афонской редакции отличается более свободным отношением к оригиналу.

В п. 3.8.2. рассматривается динамика изменений в Никоновской Триоди, где получают логическое завершение основные тенденции, сложившиеся в Афонской редакции.

Продолжается увеличение композитов, в том числе в результате “стяжения” в слово: когочелокѣѣ, радостнотворити, пощекорющѣѣ и т.д.

Идет дальнейшая унификация системы эквивалентов, где в терминологическом употреблении закрепляются инновации афонской редакции.

Вновь наблюдается увеличение лексических заимствований. В отличие от первых переводов, заимствуются в основном терминологические единицы.

В отдельных случаях наблюдается возврат к системе эквивалентов доафонских списков: мирѣ (а не сѣмирєнїе), странствїе (а не оучреждєнїе), насадитѣль (а не садодѣлатель). Распад многозначности иллюстрирует дальнейшее сужение круга значений соответствия образѣ, новые эквиваленты получают греческие σύμβολον — символѣ, βρέτας ‘кумир, истукан’ — истѣканѣ. Некоторые лексемы получают новый перевод: кола // намѣренїе — γνώμη, покелѣнїе // опредѣленїе — ὁρισμός, оучужикѣ // прелюбодѣиствокакии — νοθεύων и др. Некоторые переводческие решения нельзя назвать удачными. Например, передается вторичное значение глагола ὀμιλέω ‘быть вместе с кем; пребывать в чем; беседовать с кем’, а в данном фрагменте речь идет о восприятии Христом человеческой природы: аще и члкомѣ приокшикѣѣ (Аф) // кесѣдокакѣ (НТ). Наконец, отдельные разночтения свидетельствуют о том, что справщики использовали другие оригиналы.

Что касается особенностей переводческой техники, просматривается стремление к точности передачи оригинала. С одной стороны, восстанавливаются библейские параллели, затемненные и искаженные в предшествующих редакциях. С другой, устраняются случаи редакторской правки по библейскому тексту, не соответствующие оригиналу, а также прибавления, обусловленные влиянием “параллельных мест” и унаследованные от предшествующих переводов.

В п. 3.8.3. рассматривается возврат к принципам первых переводов в изданиях периода литургической реформы.

Замена синкретичной лексики сопровождается усложнением словообразовательной структуры: **вещь** // **вещество**, **лице** // **личина**, **достоинство** // **достоинство**, **нужно** // **нуждительно**. Параллельно происходит лексико-семантическая дифференциация, за счет лексических и словообразовательных средств: **лице** – **πρόσωπον**, **личина** – **προσωπεῖτον** ‘маска’, **локоть, рука**; **пер. объятие, лоно**, **рука** – **χεῖρ** ‘рука; власть’; **дрожка** – **φίλις**, **любка** – **ἀγάπη**.

В ряде случаев новый перевод связан с устранением неточностей, вызванных смешением однокорневых греческих слов: **мечтание** // **прикидние** – **φαντασία** ‘представление, воображение’; **призрак, привидение**; **знамение** // **познание** – **γνώρισμα** ‘признак; примета’; **знакомство; познание**.

В области словообразования наблюдается непоследовательный перевод *composita* с компонентами, входящими в зону церковнославянско-русской интерференции – **δύς**-, **σύν**- + **Dat. obj.**

В отношении сложных слов также наблюдается частичный возврат к принципам перевода доафонских списков, используется описательный перевод и замена простым словом: **насадитель** – **φουτοφυός**, **кз таинство крещения** – **μυσταγωγούσα**, **огненными дохноуением** – **πυρπνός**, **дико** – **ξενόπρεπός**.

Циклический характер производимых изменений прослеживается и в отступлении от порядка компонентов сложений. Заменяются неясные кальки, в ряде случаев восстанавливаются доафонские соответствия: **независтно** // **изобилно** – **ἄφθονος**, **преемщи** // **прекосходщи** – **ὑπερέχουσα**, **кзгодны** // **внезапны** – **ἄωρον**, **преслабных** // **престранных** – **παράδοξων**.

Одной из особенностей этой редакции является передача однословных эквивалентов целостной формулой: **θύσμεν** – **кз жертв дадим**, **θυόμενον** – **кз жертв приносимаго**, **ῥοφθέντες πόδας** – **оумокние ног прїимше**.

Устраняется церковнославянско-русская омонимия: **нужно** // **нуждительно**, **мѣние** // **класителство**. В целом производимые изменения преследуют цель сближения с нормой русского литературного языка.

В четвертой главе **“Герменевтика синтаксических и грамматических форм: “воплощение” и “перевоплощение” смысла”** анализируются морфолого-синтаксические явления, традиционно рассматриваемые в лингвистике под углом антиномии “исконного” и “заимствованного”.

В п. 4.1. анализируются функции приименного генитива.

Стилистическая функция приименного генитива связана с его ролью в структурной организации текста. Постановка распространителя способствовала выделению переносного значения: τῶν πειράσεων κλυδών “буря искушений”. В формуле ποτήριον θανάτου “чаша смерти” *родительный имени* является актуализатором символического значения – *ποτήριον θανάτου* ἐπηγγείλω πιεῖν τοῖς φίλοις σου. Аллюзируется эпизод о просьбе сыновей Заведеевых [Мф. 20: 22-23], где “чашею Он называет свои страдания и смерть”. Восходящая к патристике метафора νομφίος τῆς ἐκκλησίας представляет собой “свернутую” аллегорию. Сам Христос называет себя Женихом [Мф. 9: 15], а Его отношение к Церкви выражается в образе брака [Еф. 5: 31-32]. В результате языковой компрессии происходило “стяжение” притчи в синтагму. В основу формулы ὁφειλέσιον ἁμαρτημάτων положена евангельская притча “о двух должниках” [Лк. 7: 48].

Варьирование конструкций в древнеславянских переводах гимнов имеет аналог и в языке-образце. Некоторые варианты складываются уже в переводе LXX, затем в тексте НЗ и при освоении библейских формул в литургических текстах: στέφανον ἐξ ἀκανθῶν [Мф. 27: 29] // ἀκάνθιον στέφανον [Мр. 15: 17]. В НЗ имеется выражение νεφέλη φωτεινὴ “светлое облако” [Мф. 17: 5], в гимнах на Вознесение как параллель появляется формула с родительным имени: ὑπὸ νεφέλης φωτεινῆς ἀναληφθέντα; *νεφέλη σε φωτὸς ἀνέλαβε*.

Чем глубже в древность, тем чаще в славянском переводе представлены атрибутивные сочетания, однако уже в доафонских рукописях сложились параллельные конструкции с согласованным и несогласованным определением.

Сближение с греческим текстом как одно из направлений переводческой sprawy наблюдается уже в тексте *Гим.* В *Аф* формулы с несогласованным определением доминируют. Динамика связана с различными факторами, в первую очередь – с разрушением синкретизма (дифференциацией субъектных, объектных отношений, относительных и притяжательных прилагательных и др.). В *НТ* количество конструкций с родительным определительным продолжает увеличиваться. В Триоди под редакцией Сергия Страгородского замены прилагательных именами существительными преследуют цель прояснения церковнославянского текста.

В п. 4.2. рассматривается перевод конструкций с артиклем. Онтологическую природу выражений, субстантивированных при помощи артикля, раскрывает С. Булгаков. По его мнению, существительное шире своей грамматической формы, поскольку существует “идеальная форма имени существительного, в которую может облекаться всякое слово: внешнеграмматически это может выражаться или членом или только положением во фразе”.

В п. 4.2.1. проведена классификация эквивалентов перевода субстантивированных конструкций. Уже в доафонских списках варьируются несколько способов перевода: 1) перевод с причастием *суций*; 2) перевод субстантивированным прилагательным; 3) перевод при помощи местоимения *иже, ѡже, кже*. Есть примеры контекстуального перевода с восполнением эллиптически пропущенной информации, восстановленной из исходного (библейского) текста. В результате складываются синтаксические варианты: *ЗЕМЛѦНА, ѡже на ЗЕМЛИ* – τὰ ἐπὶ γῆς, οἱ ἐν τῇ

γῆ, σοῦσι κὰ δδ'κ, ἀδδκζιν – οἱ ἐν ᾧδῃ. В качестве поддерживающего фактора выступало наличие варьирования в “общих местах” оригинала. Развертывание переводного текста в диахронии сопровождается приближением к синтаксису оригинала. В доафонских рукописях доминирует контекстуальный перевод и перевод именем прилагательным, в *Гим* прослеживается тенденция на увеличение конструкций по образцу греческих. В *Аф* складывается новая языковая норма с установкой на калькирование.

В п. 4.2.3. рассматриваются особенности порядка слов при переводе. В греческом оригинале артикль может отделяться посредствующими словами, что часто использовалось для придания речи большей выразительности. В доафонских списках артикль обычно опускается, избегая разъединения слов, переводчик перемещает имя, отделенное от своего члена посредствующими словами, на место артикля. Уже в период ранней справки по греческому тексту просматривается тенденция на приближение к порядку слов оригинала. В *Аф* нормой становятся конструкции по образцу греческих.

Далее рассматривается роль артикля в организации синтаксической структуры (п. 4.2.4.). В зависимости от его положения, одни и те же грамматические формы могли выступать в роли субъекта, объекта, предиката или определения, в результате одно и то же слово становится “то именуемым, то именующим” (С.Булгаков). Артикль повторяется и для указания с особой выразительностью на атрибут или описательное выражение. Порядок и расположение слов служит риторическим целям, так что синтаксически второстепенные слова ставятся поближе к началу предложения.

В доафонских списках на месте причастий часто употребляются финитные формы. В тексте нового перевода местоимение *иже* на месте греческого артикля выступает в роли артикля определенности, имеющего и эмфатическую, выделительную функцию. Анафорическая постанова *иже*, соединяя несколько тропарей, связанных по смыслу, используется в функции риторической амплификации

В п.4.2.5. и 4.2.5.1. приводится динамическая картина распределения эквивалентов для перевода греческого инфинитива.

Греческий инфинитив с артиклем “есть субстантивированное имя существительное”. На месте неопределенного наклонения с артиклем в тексте доафонских списков обычно употребляются *Nom. Act* и придаточные с финитной формой глагола, греческий *infinitivus finalis* и *Gen. Inf.* часто передается формой супина. Пропуск предлогов ведет к нивелированию различий греческих инфинитивных конструкций разного типа.

Уже в тексте *Гим* происходит ряд изменений, направленных на сближение с греческим оригиналом, как в формально-грамматическом, так и в синтаксическом отношении. В *Аф* нормой становятся конструкции по образцу греческих, однако варьирование сохраняется, что имело аналог в оригинале, где синтаксические варианты относятся к варьирующимся компонентам формулы.

В п. 4.2.5.2 обобщены тенденции варьирования в церковнославянском языке. В целом не все особенности нового перевода были в одинаковой степени восприняты языком церковнославянским. С одной стороны, греческий артикль, стоящий с причастиями и прилагательными, обычно выражается относительным местоимением в соответственных падежах. В качестве синонимичной остается и конструкция с причастием *суциии*. В отношении же имен существительных нормой является постановка существительного на место артикля, отделенного от существительного другими словами.

Возврат к принципам перевода доафонских рукописей наблюдается в Триоди под редакцией Сергия Страгородского. В качестве нормы воспринята конструкция с причастием *суциии*. Используются и другие приемы, известные древним переводам: эллипсис артикля, передача субстантивированных выражений по смыслу другими частями речи, перемещение существительного на место артикля, контекстуальный перевод. Непоследовательно передается субстантивированный инфинитив, прослеживается появление членных форм причастий на месте причастий с артиклем. Порядок слов приближен к особенностям русского синтаксиса.

Появлению инноваций в сфере предложного управления посвящен п. 4.3. Далее рассмотрено расширение сферы употребления такого синтаксического грецизма, как *родительный падеж*, употребительный при восклицаниях. В п. 4.4. дан обзор перевода отрицательных конструкций. В доафонских списках в роли прямого дополнения используется генитив, в соответствии с характером славянской рецепции отрицательная частица ставится непосредственно перед глагольной формой, не передается усиленное отрицание. В *Аф* калькируется падежное управление с аккузативом, появляются конструкции с усиленным отрицанием. Инновации *Аф* – употребление *Вин. пад.* при отрицании и перевод союза *οὐκ* *ε* *τι* соответствием *уже* восприняты системой русского литературного языка.

Необходимым компонентом герменевтического анализа П.И. Савваитов считает и *изучение грамматики текста*. На связь грамматики с герменевтикой указывает Аристид: “грамматика есть искусство понимать поэтов и историков, руководящее главным образом формой речи”. В п. 4.6. рассмотрены основные тенденции морфологического варьирования.

Многие грамматические и синтаксические формы, узаконенные как “книжные” реформой патриарха Евфимия, в эпоху “второго южнославянского влияния” обретают свое гражданство в русских списках, а затем воспринимаются системой русского литературного языка. В доафонских списках формы превосходной степени передаются прилагательными положительной степени, что во многом обусловлено лексическим значением (п.4.6.1.). Реже используются славянские образования на *пре-*, есть случаи перевода по смыслу, примеры неадекватного перевода, вызванного смешением греческих слов.

В *Аф* наметилась тенденция к закреплению суффикса **киш-* в качестве показателя превосходной степени. И здесь, как и на других языковых уровнях, перевод афонской редакции отражает собой промежуточный этап между складывающейся новой языковой нормой и сохранением по традиции старой. Длительное нивелирование различий между положительной и превосходной степенью поддерживалось

и варьированием в оригинале. В роли постоянных эпитетов, иногда и в составе одних и тех же трафаретных формул используется и форма положительной, и форма сравнительной степени. В Никоновской Триоди инновации *Аф* приобретают характер системы и проводятся через все контексты.

Обнаружена дифференциация в переводе греческого аориста в 3 л. ед. (аорист) и 2 л. ед. (перфект) (п.4.6.2.). Налицо избирательный характер производимых изменений, где выбор той или иной грамматической формы продиктован семантической перспективой текста. И здесь наблюдается характерная для этой редакции дифференциация вариантов (на этот раз – морфологических), изначально связанных с деятельностью двух переводческих школ: Охридской и Преславской. Как и в области лексической системы, прослеживается высвобождение слова от давления контекста, сопровождающееся устранением морфологического и категориального синкретизма и углублением семантической перспективы.

Византийское влияние на славянский язык вело не только к дальнейшему размежеванию синтаксических моделей в русском и церковнославянском языках. Накопление синтаксических вариантов приводило к дальнейшему расхождению (семантическому и стилистическому) вариантных форм.

В пятой главе **“Формы риторические и поэтические”** дается обоснование риторического анализа как одного из методов теологической герменевтики. В широком историко-культурном контексте анализируется развернутая система тропов на основе “первичных” символов и образов, восходящих к евангельским притчам; приемы аллегорезы, типологии, перифраза и антономасии, ставится проблема соотношения мифа и догмата.

В п. 5. 1. рассматривается соотношение понятий *образ – символ, притча – аллегория, метафора – сравнение*. Мы придерживаемся мнения К. Бломберга, согласно которому категорическое разграничение сравнений и метафор не подтверждается, а любая притча имеет аллегорическую природу.

В гимнографии содержатся примеры как аллегорической, так и типологической экзегезы. Система образов, восходящих к евангельским притчам, часто опосредована аллегорическим толкованием Отцов Церкви и Символом Веры (п.5.1.1. – 5.1.3.).

Так, в основу тропаря канона *Предпразднству Вознесения*, где аллюзируется притча о заблудшей овце, положено толкование, неизвестное раввинской традиции, где под одной овцой “разумеется человек разумной природы, которую, когда она заблудилась, разыскал добрый пастырь <...> и довел до самого дома, то есть до неба <...> Под сотнею овец <...> мы разумеем ангелов, поскольку они словесны, т.е. разумны, и кажутся к Богу ближайшими прочих тварей” (Толкование Феофилакта Болгарского на Ев. от Лк. 1–10).

ВЗЫСКА НА ЗЕМЛИ ЗАБЛУДШАГО ТОГО ОВЧАТЕ • БЕЗ ВЛОУЖЕНИЯ СЛОВЕ СНА СЧЕТАЛА ЕСИ • И ВЗНЕСА НА НЕБСА И СЪДЕ ВЪ СЛАВѢ ОДЕСНУЮ РОДИТЕЛЯ – ζητήσας τὸ ἐπὶ γῆς, πλανομένον πρόβατον, ἀπλανέσει λόγε τοῦτο συνέταξας • καὶ ἀναληφθεὶς πρὸς οὐρανοὺς, ἐκάθισας ἐν δόξῃ, ἐκ δεξιῶν τοῦ σοῦ Γεννήτορος. Анализ славянского рукописного материала показывает, что смысл

оригинала часто ускользал от переводчика, в результате структура художественного образа трансформируется.

На этом же (аллегорическом) толковании основан прием аллегорезы в древне-армянском *Каноне всем небесным силам*:

Երկնաւոր իոտ ընտրեալ • զոր իովիւրն քաջ թողեալ յերկինս • և եկեալ ի խընդիր մեզ մոլորելոցս “Небесное избранное стадо! Бодрый пастырь, оставив тебя на небесах, пришел искать нас, заблудших”. Наличие не только структурного сходства, но и буквальных совпадений шараканов с греческим текстом свидетельствует о том, что их авторы опирались на существующую византийскую литургическую традицию.

Не все элементы образа могут быть эксплицированы при переводе. Иногда переводчики совмещали несколько сюжетных линий по принципу объединения центральных элементов.

Типологическое толкование предполагает построение по аналогии. Типологическое толкование появляется у апостола Павла, где постоянной темой является соотношение Ветхого и Нового Заветов, закона и благодати. В п. 5. 1.4. рассмотрена функция дублетных форм в структурной организации текста, основанного на двухплановом противопоставлении.

Дублетность возникала в результате семантической и символической сверхдифференциации, связанной с экспликацией догматического содержания. Иногда она накладывалась на византийскую традицию распределения дублетных форм. В роли дублетов выступают смысловые соответствия и кальки или заимствования, изначально появляющиеся в параллельных местах Священного Писания.

Противопоставление может присутствовать как в скрытой, так и в эксплицированной форме. Как текстообразующий прием используется объединение параллельных мест и развернутая типология.

Далее образная система византийской гимнографии рассматривается в отношении к античному и библейскому мифу.

В п. 5. 2. “Литургический образ и миф” проанализированы архетипические символы “Колесница” и “Мать-Земля”. Связь “колесницы Илии” с мифологическими эллинистическими представлениями – колесницей Солнца-Гелиоса и культом Митры прослеживает J. Danielou [1961]. Проанализированный материал позволяет выделить следующие “литургические аспекты” функционирования символа “Колесница”: 1) прообраз Вознесения; 2) символ благодати Святого Духа и префигурация Пятидесятницы; 3) мариологический символ и префигурация Воплощения.

Рассматривая связь библейских образов *меркабы* и колесницы Илии с символикой колесницы Солнца, J. Danielou отмечает, что *ῥήμα* обозначает и благодать Святого Духа. В *каноне на Пятидесятницу* огненная колесница прообразует пришествие Духа в “огненном дыхании”.

Ассимиляция библейского образа *δικαιοσύνης ἥλιος* “Солнце Правды” и эллинистического *ῥήμα* τοῦ ἡλίου “колесница Гелиоса” представлена в контексте догмата о Воплощении: φωτοφόρον *ῥήμα*, τοῦ Ἡλίου σὺ τοῦ νοητοῦ – скѣтоносно ти *носило* • слнцѣ оумнаго (о Богородице).

Неверная интерпретация и как следствие – искажения исходного смысла в славянских переводах приводят к затемнению образа. Эллипсис ключевого образа в древней Триоди Моисея Киянина свидетельствует о том, что смысл оригинала был неясен переводчику: *скѣтносноу снѣце ти мѣсланаго*. Неверно интерпретирован в доафонских списках и эпитет пророка Илии *τέθριππος*, восходящий к солярному мифу. Переводчик смешивает прилагательное *τέθριππος* ‘влекомый четверней’ и существительное *τὸ τέθριππον* ‘четверня, колесница, в которую запряжены четыре лошади’, слав. *КОЛЕСНИЦА*. В *Аф* переводчик отходит от пословного принципа и вносит глоссу-пояснение – *ЧЕТВЕРОКОННОЮ КОЛЕСНИЦЮ ВЪСХОЖАШЕ*.

Ряд библейских образов, получивших значение религиозных символов, связан с мифопоэтическими представлениями древнейшего периода. Представления, согласно которым человек зарождается в недрах земли, как в материнской утробе, сохранились в ВЗ [Иов 2: 19; Пс. 139: 11–15]. Отголоски древнего представления сохранились в *антифонах недели Всех Святых*. В *мадраше Ефрема Сирина на 9-й час Великой Субботы* архетипический символ представлен в персонифицированном образе Земли – матери Адама.

Принцип аналогии принимает форму синтаксического и богословского параллелизма между Боговоплощением, Воскресением и Боготелесным погребением: *кѡутрокѣ кмѣстила еси • нго же земля кѡ чрекѣ принала кста*.

В мифопоэтической традиции умерший считался солнцем, а могила, гроб – матерью умершего. Христос уподобляется заходящему Солнцу в *иконе на Пасху*. Параллелизм между Рождеством и Погребением облекается в фигуру развернутого сравнения. На внутреннюю взаимосвязь между символикой приношения мира волхвами и символикой погребения указывает Н.Ф. Фокков, к этому же выводу приводит анализ мнемотехники и литературных форм.

Наконец, аналогия прослеживается в выборе определенных образов и метафор. Образ родовых мук как символ воскресения использует Иоанн Златоуст в проповеди на Пасху. Типологические параллели обнаруживаем в древнеармянском *каноне на Великую Субботу* и *каноне на Пасху*. “Наложение” архетипического символа на бинарные оппозиции христианского вероучения и религиозные антиномии ведет к раздвоению формул, а “мифология, объединенная с диалектикой, превращается в догмат и даже в догматическое богословие” (А.Ф.Лосев).

Далее в п. 5. 2. 1. анализируется лексика, восходящая к дохристианскому мифу и мистериальной терминологии. Создавая свои поэтические произведения, христианские авторы использовали образы и сюжеты, восходящие к языческому прошлому. Переосмысливаются термины и традиционные эпитеты. С изменением семантики ключевых слов транспозиции подвергаются не только слова, но и трафаретные формулы.

Под воздействием оригиналов обновлялся формульный состав литературного языка восточных славян, складывалась образная система. В отличие от греческой, славянская языческая терминология была недолговечной, и языческие термины постепенно исчезают из богослужебных книг.

В п. 5.3. рассматриваются приемы перифраза и антономасии в составе экзегетического приема теологической этимологии, где со- и переименование получает статус особого риторического приема. Связь личного имени с внутренней сущностью и предназначением через истолкование этого имени восходит к герметической традиции. Антиномия “фонемы” и “синемы” личных имен – вот камень преткновения, с которым сталкивались переводчики. Преодоление этой антиномии происходило в приеме перифраза и антономасии, где “внутренняя форма” личного имени разворачивалась в синтагматические цепочки и блоки. Развертывание собственного имени образует контекст, где связь между именем и его определением или предикатом семантически мотивирована.

Перифразы-истолкования включают прояснение внутренней формы антропонимов библейского происхождения, имен христианских святых. Истолкование может присутствовать как в имплицитной, так и в эксплицированной форме. Последнее свойственно текстам, основанным на толкованиях Отцов церкви.

Герметическое построение текстового фрагмента наиболее полное отражение находит в статьях Синаксария в силу присущего им энциклопедизма. Перифраз становится основой для построения сюжетных блоков, отправной точкой является библейская цитата в обрамлении однокоренных или близкозначных слов. Частотно представлен прием разъяснения топонимов библейского происхождения. Нередки ошибки славянских переводчиков, основанные на смешении имен собственных и нарицательных.

Парафразирование собственных имен нашло широкое отражение в канонах и тропарях святым. Часто византийские авторы сознательно сталкивают семитскую и греческую этимологию, используя и прием *парономасии*.

Есть примеры, иллюстрирующие независимость перифраза от греческого оригинала, а, следовательно, и свободное владение им славянских переводчиков. Отдельные примеры свидетельствуют о разночтениях в оригинале, напр.: **отъ оустѣ тѣмъ ѿко злато възлѣвши съѣтолъчнаа ти бл҃гдти...о҃че иоаннѣ златоусте** – греч. **ἐκ τοῦ στόματος σου καθάπερ πύρρος(!) ἐκλάμψασα.. πάτερ' Ἰωάννη Χρυσόστομε**, где вместо ожидаемого χρυσός ‘золото’ стоит πύρρος ‘свеч’’. Возможна и опора на гимнографическую традицию, где часто обыгрывается внутренняя форма имени – **στόμα χρυσοῦς**. В *Шаракане Св. Иоанну Златоусту* также представлен прием антономасии на основе перифрастического оборота *златые уста* – арм. *բերիւն ուլի*.

В канонах Григорию Просветителю в ряду трафаретных формул представлена этимологизация имени святого: **τὸν ὑπήγορον ποιμένα καὶ διδάσκαλον, Γρηγόριον** “*бодрого пастыря и учителя, Григория*”. Ключ-расшифровка имени святого содержится и в акrostихе. В древнеармянском *Каноне св. Григорию Ованес Ерзнкаци* также использует прием антономасии, “сталкивая” личное имя *Գրիգորի* (Григорис) с эпитетом-определением *հրվղի* – *бодрствующий*.

Влиянием византийской традиции обусловлено использование перифрастических наименований лица и при истолковании русских имен. Широкое использование этого приема в песнопениях Шаракана свидетельствует о высокой степени влияния образцов и приемов византийской “украшенной речи”.

Феноменом принципиальной невыразимости обусловлена и принципиальная установка на парадокс и антиномию. В шестой главе “**Антиномичность как типологическая особенность гимнографии**” рассматриваются риторические формы выражения теологических антиномий в византийской гимнографии и ее славянских переводах; приводятся типологические параллели из древнеармянской гимнографии.

Рассмотренная под разными углами, антиномия предстает как многомерное образование:

- как философский термин;
- как богословская категория;
- как ментальная особенность;
- как культурный феномен;
- как эстетическая и поэтическая категория (образ);
- наконец, как риторическая форма (оксюморон, парадокс).

Как богословская категория, антиномии прошли длительный путь развития. Средством выражения философско-теологических антиномий служила поэтическая форма гимнов (С.С.Аверинцев). Византийские гимнографы, для которых характерна любовь к противоречиям, были, по выражению С. Брока, “сирийцами греческой письменной культуры”.

Являясь характерной чертой литургической поэзии, антиномии часто облекались в риторическую форму оксюморон. В п. 6.3. рассматриваются типы оксюморона как формы выражения антиномий. В качестве строевых элементов текста они выполняли текстообразующую функцию, являясь интертекстуальными элементами, восходящими к формульному ряду Священного Писания, Символа Веры и святоотеческой письменности. В состав этой риторической фигуры часто входили апофатические термины.

Мариологическим антиномиям посвящен п.6.3.1. Далее (п. 6.3.2.) рассматриваются формы выражения теологических антиномий: *единое и многое (иное и тождественное, нераздельное и делимое), Бог в себе и самооткровении*. Отметим, что последняя представлена только в древнеармянской гимнографии. В *каноне на 1-й день Пятидесятницы* расширенный вариант формулы, восходящей к НЗ [1 Кор. 2: 10], соединяется с символическим именованьем Св. Духа – *Голубь*. Автор использует прием *алиенации* (термин Е.М. Верещагина).

աճԻԼԻՐՄԼՍԻ աղաւթի • աճրընճելի որ քընճէ ըզխորսի աստիճոյ • գոր աղաւթի ի իորէ “Голубь невещественный, **испытующий неиспытываемые** глубины Божия, *исходящий от Отца*”. Архетипический символ разворачивается в библейский миф [Ин. 1: 32; Мф. 3: 16] и догмат, где завершающим витком является формулировка, восходящая к Символу Веры.

В п. 6.3.3. рассматриваются христологические антиномии, составляющие самую обширную группу. Взяв за основу классификацию протоиерея С. Булгакова, мы выделили ряд интегральных пар, связанных с оппозициями:

Неслиянность – нераздельность

Тайна – откровение

Время – век

Всепространственность – сверхпространственность

Творение – тварь

Большинство из рассмотренных нами антиномий не непосредственно восходят к библейскому тексту, а опосредованы патристикой. Проиллюстрируем данное положение на конкретных примерах.

Так, частные проявления пространственной антиномии связаны с понятиями *предела* и *места* – *беспредельное* и *ограниченное*, *невмещаемое* и *вместимое*. Созданные на основе одних и тех же отрицательных терминов, антиномии служили выражением основных аспектов кеносиса. В этом ключе развивает антиномические утверждения св. Патриарх Никифор: “Повитый пеленами, возлежащий в яслях, пребывавший в пещере описывается или нет? Обрезаемый, крестимый, распинаемый и в конце концов заключаемый в гроб, ограничивается этим и объемляется или нет?< ...> Почему же не может мыслиться в приложении к нему антитеза описуемого и неопишуемого?”.

Иногда при наличии общих мест невозможно окончательно установить первичный текст или источник влияния. Так, трансформация библейской цитаты [3 Цар.8: 27] встречается у ряда византийских авторов, применивших ее к образу Боговоплощения. У Епифания Кипрского: χωρήσασαν (τὴν παρθένον) τὸν ἀχώρητον ὃν οὐρανὸς καὶ γῆ χωρεῖν οὐ δύνανται “вместился (в де́ву) невместимый, которого не могут вместить небо и земля”.

К общему месту восходит формульный ряд гимнов Триоди и Шаракана.

В *феотокионе 6-го антифона последования Святых страстей*: χαῖρε Θεοτόκε ἡ τὸν ἀχώρητον ἐν οὐρανοῖς χωρήσασα ἐν μήτρᾳ – радуйсѧ е́ще • ѿже **НЕВЪМѢСТИМААГО КЪ НБСЕ** КЪ ОУТРОБѢ СКОЕИ **КЪМѢСТИВШИ**.

В *каноне на третий день Богоявления*: η̅η̅η̅η̅ ης ρω̅ς̅ երկինք ընդունի զանբաւելի զընդունի~ յարգանի լուսին բնաւեցաւ “Невместимое естество, которого не вмещают небеса! Ты вместился во чреве Девы”.

Частотность использования этой риторической формы и ее расширение до триады в соответствии с трехчастной богословской схемой свидетельствует о высоком мастерстве и богословской компетентности авторов и переводчиков.

О чюдесѧ преславнѧхъ • како **КЪМѢСТИМА** еси • бѧ **НЕКЪМѢСТИМО** • **КѢМѢСТИМАА**– ὁ θαυμάτων παραδόξων! Πῶς ἐχώρησας Θεὸν ἀχώρητον, Θεωχαρίτωτε (!). Возможна паронимия в оригинале, так как оба прилагательных – θεοχώρητος и θεοχαρίτωτος, являлись традиционными эпитетами Богородицы.

Наконец, пространственная антиномия может применяться к событиям Великой Субботы. В этом аспекте она представлена в *гомилии Иоанна Дамаскина*:

‘Ο μόνος ὡς θεὸς ἀπερίγραπτος ἐν τάφῳ σωματικῶς περιγράφεται “Един яко Бог неописанен, во гробе плотию описывается”. В непосредственной связи с указанным фрагментом находится *шаракан на Боготелесное погребение Господа Нашего Иисуса Христа* Нерсеса Благодатного:

η̅ր̅ յեւրեանի եւ ընդ հօր անշարիազրելի բանի • այսօր մատանեալ բաւանայիցըն շարիազրիլ ի յանձնառեր անկողողալուելի գանձ – единосущное

Отцу, неописанное Слово днесь в запечатанном священниками (гробе) описывается, сокровище некрадомо.

Этот же парадокс, не подчеркнутый однокоренным повтором, видим *в каноне на Великую Субботу*: грѡѡ^м и печатїю, **нѣѡмѣстимѣи сѣдрѣжимѣ** бл҃҃҃ хотѣнїемѣ – μνήματι καὶ σφραγῖσιν, ἀχώρητε, συνεσχέθης βουλήσει.

В состав фигуры оксюморон входили и термины, созданные на основе бытовой лексики (п.6.4.), демонстрируя тесную взаимосвязь *термина* и *образа*:

ѡѡ чрѣѣ сѡѡѡ ч҃таѡ • присножикотнѣи хлѣѡ • мѣшенѣи несмѣшно • мѣшениемѣ на^мѣ родила кси непреложно – ἐν τῇ γαστρὶ σου, Ἀγνή, τὸν ἀείζων ἄρτον, φυραθέντα ἀφύρτως, ἐν φυράματι ἡμῶν, ἐγέννησας ἀτρέπτως. В языке классическом слово φύραμα имело конкретное значение ‘мешеное, т.е. тесто’ (от φυράω ‘смешиваю, мешу’). В послании к Коринфянам христиане называются νέον φύραμα ‘новым смешением’ [1 Кор 5:6-7]. Формула ἡμέτερος φύραμα встречается у Григория Назианзина. На базе переносного значения появляется термин ἄφурτος. Происходит наложение образа на догматическое учение православной церкви о двух природах и единой ипостаси во Христе.

Оксюморон на однокорневой основе использовался славянскими переводчиками и независимо от оригинала как способ актуализации противоречий (п.6.5.), что отражает тенденцию к *палиллогии*:

мл҃срднѣ ради самаго падѣшааго **преложѣсѣ непреложнѣи** и до_страсти **бестрастнѣмѣ** преклонѣшѣсѣ слоѡ б҃жїе – τὸν δὲ εὐπλαγχνίαν ἑαυτὸν τῷ πεσόντι κενώσαντα ἀτρέπτως καὶ μέχρι παθῶν ἀπαθῶς ὑποκύψαντα, Λόγε Θεοῦ. Антиномия самоограничения Творца усилена однокорневым повтором по аналогии существующих ‘антиномичных утверждений’.

Проанализированные типы оксюморона имеют структурно-типологические параллели в древнеармянской гимнографии. Это свидетельствует об интертекстуальном характере выявленных риторических и поэтических форм и едином источнике влияния. Универсальны и принципы преобразования исходных формул.

В седьмой главе **“Гимнография в патристическом контексте”** рассматривается влияние патристики и гомилетики на структурную организацию текста гимнов (в виде цитат, аллюзий, тропов и текстовых блоков); затрагивается и проблема обратного влияния гимнографической традиции на гомилетику.

На зависимость гимнографии от гомилетики, в особенности же творений Григория Назианзина и Иоанна Златоуста указывали Д. Флоринский [1881], К. Керн [2001], Grosdidier de Matons [1974], В.В. Василик [2006]. Это влияние проявлялось не только в ‘заимствовании’ тех или иных выражений и текстовых фрагментов, но и в особенностях авторской экзегезы. Наиболее тесная связь существовала между гимнами, приуроченными к тому или иному празднику, и гомилиями на этот же день. В древних славянских рукописях сохранились песнопения, включающие не только цитаты, но целые блоки из творений Святых Отцов.

Известно влияние ‘Слова на Пасху’ Григория Богослова на Пасхальный канон Иоанна Дамаскина. В Цветной Триоди XII века Типографского собрания нами

обнаружены стихиры, включающие фрагменты из двух его произведений – “Слова на Пасху и о своем замедлении” и “Слова на Святую Пасху” (п. 7.1.1.).

В переводе находят отражение характерные особенности доафонских редакций Триоди. Описательно переводятся греческие *composita*, формы суперлатива переданы прилагательными в положительной степени. Как инновацию можно отметить использование *pronomina demonstrativa* в функции артикля. Имеют место паронимические и антонимические замены. В современных печатных изданиях стихиры отсутствуют, и славянский перевод может служить материалом для реконструкции греческого оригинала.

Гораздо чаще патристический прототекст представлен в виде аллюзий. Существующие параллели иногда настолько затемнены в переводе, что обнаруживаются только при обращении к оригиналу. В п. 7.1.2. рассматривается взаимосвязь канона на Антипасху Иоанна Дамаскина и “Слова Григория Назианзина на Новое Воскресенье”, Обновление Воскресения Христова.

В целом перевод весьма неудовлетворителен, что обусловлено рядом факторов, затрудняющих понимание оригинала: многозначностью ключевых слов, несовпадением падежного управления, дистанцированием артикля. Обращение к исходному тексту Слова позволяет не только установить первоначальное чтение, но и прояснить темные места славянского перевода. Так, разночтения *дорифоройса/дирофорѣса* проясняются на основе варьирования в “общих местах” гомилии, объединенных темой Царствия, где говорится о *сопровождающей* Царя *почетной страже*.

Исходным текстом Слова опосредована и образная система канона, построенная на бинарном противопоставлении ἔαρ ‘весна’ – χειμὼν ‘зима’. Символическое значение существительного разъясняется Григорием Богословом в составе экзегетического приема *типологии*, где аллюзируется текст Евангелия от Иоанна [Ин. 10: 22]. Критерием точности перевода становится согласие с параллельными местами и адекватное отражение образного и догматического содержания. Соответствие *Аф кѣра*, передающее переносное значение греческого χειμὼν, затемняет образно-символическую структуру и евангельский затекст.

Наконец, экзегеза Иоанна Дамаскина также обусловлена влиянием Слова, где раскрывается богословие ‘осьмого дня’, ‘Осьмерицы’ – *οὐδοή* – Дня Господнего, первого и последнего, “образа будущего века”.

В п. 7.2. рассматривается влияние на гимнографию 41 Слова Григория Богослова на Св. Пятидесятницу. Аллюзии представлены в стихирах службы Пятидесятницы в составе Цветной Триоди. Большая часть текста Слова содержится в древнеармянском каноне на седьмой день Пятидесятницы.

В славянских разновременных переводах в диахронии прослеживается возрастание числа лексических, морфологических и синтаксических калек, сохраняется порядок слов оригинала. Находит отражение ориентация на разную систему эквивалентов, сложившихся в различных переводческих школах.

В древнеармянский *Կանոն փնտոնկոստեի* (канон Пятидесятницы) текст Слова вошел в более полном объеме. Как и в тексте стихир, устраняются все пояс-

нения о различии Лиц в Божестве, способы организации риторической прозы, не соответствующие законам жанра. По-разному выражена идея троичности Лиц в Божестве. Если византийский гимнограф адресует Троице заключительные строки и делает троичный принцип текстообразующим, у армянского гимнографа он сформулирован в рефрене.

Универсальными способами переработки исходных синтагм являлись языковая компрессия и расширение текста. Языковая компрессия придавала формулировкам сжатый и лаконичный характер, достигаясь за счет устранения повторов мысли, слов. Основными способами развертывания текста являлось включение библейских цитат по принципу параллельных мест, использование синонимов и парных сочетаний, создание лексических рядов, ориентированных на сакральную численность.

В п. 7.3. взаимодействие патристики и гимнографии представлено в аспекте формирования анфиладного текста Триоди, сопровождающегося включением произведений других жанров. В Афонской редакции в состав Триоди включается Слово Иоанна Златоуста на Пасху. Обращение к славянскому тексту гомилии в разновременных переводах Триоди позволяет выявить три редакции Слова. Текст становится более пространным, а расширение формул обусловлено как выравниванием по оригиналу, так и бытованием на славянской почве.

Разночтения текстологического характера свидетельствуют о том, что основой для никоновских справщиков послужил греческий протограф, содержащий ряд прибавлений. Одним из способов расширения текста является риторическая амплификация, сочетающаяся с другими принципами организации ритмической прозы – синтаксическим параллелизмом, анафорой, гомеотелевтом.

Существовала еще одна пространная редакция Слова в дониконовских печатных изданиях, также относящихся к афонскому типу. Текст этой редакции примечателен тем, что содержит ряд прибавлений, не обусловленных структурой оригинала, а для переводческой техники характерен прием *конфляции*.

Расширение формул происходит за счет нагромождения слов с одинаковым корнем и нанизывания синонимов, а также разрушения формул, известных по другим источникам. В результате контаминации формул с общим компонентом и нагнетания однозначных слов образуются градуальные троичные ряды. Троичные ряды вводятся в текст и за счет использования лексических эквивалентов, сложившихся в разных переводческих школах.

Расширение текста, сопровождающееся установлением внутритекстовых связей между синонимами и однокоренными словами, позволяет объединить традиционные формулы, входящие в разные сюжетные блоки, в один связный текст. Ряд прибавлений носит интерпретирующий характер и связан с экспликацией смысла ключевых слов греческого оригинала. Расширение текста может происходить за счет включения дополнительных евангельских реминисценций. Переводчики использовали принципы расширения текста, отразившиеся уже в греческих вариантах текста-образца.

В зависимости от “духа” родного языка, культурной традиции и литературной школы меняются переводческие установки. Характерное для оригинала “извитие

словес” заменяется более лаконичными формулировками, в соответствии с характерными особенностями армянской речи, как это наблюдается в переработке “Слова на Пятидесятницу”. Принципиальная установка на расширение текста по стилистическим основаниям, появляющаяся в “пространных” русских редакциях “Слова на Пасху”, соответствует духу времени, связанному с появлением украшенного стиля “плетения словес”.

В **Заключении** отражаются основные итоги и результаты исследования.

Чем глубже в древность, тем менее резко очерчены границы между “прозой” и “поэзией”. С развитием антиномии поэзии и прозы связана и диалектика литургической поэзии. Развитие жанров гимнографии сопровождалось ослаблением нарративного начала, что вело к усилению риторического и стилистического элемента. На грамматическом уровне это выражается в расширенном употреблении “абсолютных” грамматических форм, на словообразовательном – в увеличении *composita* и широком использовании префиксов в значении суперлатива, на образном – в нагромождении метафор и символов.

Неисчерпаемость смысла исходных формул и их инобытие в литургических текстах приводит к развитию широкой вариативности. Используя в качестве основы для своих произведений текст Священного Писания, опосредованный патристической мыслью, византийские гимнографы облекали его в изысканную поэтическую форму. Развертывание Слова в пространстве и времени сопровождалось переходом от прямых цитат к перифразам и аллюзиям, от псалмов и “припевок” к ним – к самостоятельным песнопениям, а затем к увеличению “иных” и “подобных”. Триодь следует рассматривать как единый текст, который складывался на протяжении веков, испытывая многочисленные правки и кодификации. Текст гимнов предстает как многомерное пространство, сотканное из элементов, связанных между собой структурными отношениями и восходящих к более ранним источникам.

Во введении к данной работе были приведены, на первый взгляд, противоречивые определения гимнографии, стирающие границы между жанрами – как “перифраза Священного Писания”, как “истинного богословия”, облеченного в изысканную поэтическую форму, наконец, как “развернутого Символа Веры”. Вся совокупность литургических текстов, а также их архи- и прототекстов образует единый гипертекст, где часть уясняется на основе целого.

Как показало исследование, границы между словом и текстом условны. Слово может быть развернуто в формулу, и формула – в текст, в свою очередь, и слово можно рассматривать как “свернутую” синтагму или фразу исходного текста. Особенностью византийской гимнографии являлось внутритекстовое варьирование формул-синтагм и сложных слов, образованных на их основе, “свертывающих” библейские формулы и догматические формулировки. Движение текста в диахронии позволяет проследить и поступательный процесс “свертывания” синтагм уже в славянских переводах и исторического “развертывания” значений многомерного смысла, раскрывающего в содержании предания новые аспекты значений. Неисчерпаемость смысла греческого Логоса предполагает возможность все нового выражения, с различной степенью адекватности и осмысления, в процессе его развер-

тивания в пространстве (в новых формулах и текстах) и во времени (в новых переводах).

В основе феномена варьирования лежит антиномичная природа слова, уясняемая из двойственного соотношения сущности и явления, именуемого и именуемого. Один и тот же смысл воплощается в различные формы (переименование), в свою очередь и различное смысловое содержание облекается в одни и те же языковые формы (со-именование).

В доафонских списках действует принцип перевода зависимых компонентов синтагмы по смыслу ключевых слов. На выбор эквивалента влияние оказывали контекст и структура текста. В Афонской редакции отдельное слово начинает освобождаться от давления синтагмы. Закрепление славянских соответствий за определенными греческими словами приводит к новой форме многозначности и синонимии, отражающей состояние в языке оригинала. Под воздействием оригинала происходит и формирование лексических и словообразовательных парадигм.

Как было установлено, развертывание текста в диахронии сопровождается усложнением словообразовательных моделей. Возросшее внимание к структуре слова, способствующее разрушению семантического синкретизма, ведет к самоограничению значения, распределению значений многозначных лексем оригинала между разными соответствиями. Перевод доафонских рукописей ищет *сходства* между греческими словами, для нового перевода важны *различия*. В связи с усилением внимания к структуре слова словообразовательные элементы принимают на себя важную роль в дифференциации греческих соответствий. Возрастает и роль структурных элементов слова в текстопостроении. Калькирование словообразовательных моделей позволяло сохранить риторические особенности оригинала и адекватно передать догматическое и образное содержание.

В тексте преодолевается противоречие между определенностью термина и беспредельностью образа, истоки которой “в принципиальной метафоричности языка”. Терминированное слово, не порывающее связей с живой средой языка, калькируется и снова “ввергается” в бытие, развертываясь в текст и становясь источником новой образности. С усилением позиций калькирования и закреплением постоянных эквивалентов за греческими синонимами устраняется терминологический разнобой в переводе ключевых богословских терминов, а также ошибки, проистекающие от неоднозначной интерпретации.

Параллельно с усилением позиций калькирования изменяется его сущность. В первых переводах калькирование еще не носит характера системы, а часто свидетельствует о непонимании текста переводчиком, затруднениях в подборе смыслового эквивалента. Становясь основной формой выражения нового христианского содержания, в афонских переводах оно получает статус основополагающего переводческого принципа и характерной стилистической приметы. Подлинное бытие переносится в сферы языка, а между смыслом и его оболочкой устанавливаются те отношения, когда форма и содержание, “образ” и “подобие” находятся в состоянии равновесия. Одним из способов постижения трансцендентного становится филологический анализ.

Связь слова со смыслом обнаруживается на всех языковых уровнях. Литургический текст в самой своей сущности текст *звучащий*. Вопреки утверждению Г.Г. Шпета, что фонетические формы свободны от подчинения законам смысла, рассмотренный материал наглядно демонстрирует, что возможность комбинации элементов в одном и том же звуковом комплексе становится одним из источников неоднозначной интерпретации. Произношение одних звуков вместо других приобретает характер языковой игры, открывая в предании новые грани смысла и свидетельствуя о его неисчерпаемости.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что судьба перевода Триоди связана с диалектикой двух противоположных подходов. Первые переводчики *изъясняют* смысл текста, стараясь сделать новое (христианское) содержание понятным для своих современников, подбирая для новых понятий смысловые эквиваленты в родном языке или “развертывая” их в синтагму. Уже в списках Гимновской редакции складывается другой подход, стремящийся воплотить смысл оригинала в адекватной форме выражения и найти точное соответствие каждому элементу исходной структуры.

Два противоположных подхода к тексту сочетаются и внутри одной (афонской) редакции. С одной стороны, через посредство Афонской, а затем и Никоновской редакции и в последующих изданиях церковнославянской Триоди неуклонно проводится тенденция на сближение с греческим оригиналом, истоки которой прослеживаются в русских списках *Гим.* С другой стороны, в печатных изданиях той же Афонской редакции появляются прибавки при переводе, внесенные с целью уточнения или пояснения, что в герменевтике блаженного Августина считалось более опасным для смысла, чем употребление оборотов, свойственных чуждому языку. Одна (ранняя) традиция доходит до буквализма в своем стремлении “не преложить единой черты”, другая же стремится не только к наибольшей полноте *раскрытия* смысла, заложенного в оригинале, но и к привнесению новых смыслов. Наряду с определенным возвратом к системе эквивалентов доафонских рукописей (продиктованным и стремлением избавиться от излишнего буквализма), в плане переводческой техники она характеризуется принципиально новым (свободным) отношением к оригиналу. Движение Текста определяется не только авторитетом традиции или структурой оригинала, но и частным “мнением”, привнося новые оттенки. Удвоение элементов текста, характерное для этой традиции, находится в неоспоримой связи со стилем “плетения словес”.

Но еще сильнее влияние первого перевода, связанного с герменевтической (изъясняющей) а не герметической (скрывающей) традицией, ощущается в изданиях периода литургической реформы: уменьшение калек и неологизмов, подбор смысловых эквивалентов и развертывание композитов в синтагмы. Самой же характерной приметой этого перевода становится сопровождающее расширение текста разрушение традиционных синтагм, во многом обязанное сознательному отказу от порядка слов оригинала.

Синтаксические формы как формы выражения нерасторжимо связаны с глубинными риторическим и стилистическим языковыми пластами. Мнемоническая функция синтаксического параллелизма и тематическая параллельность, использо-

вание постоянного метра и пространственного порядка способствовали иерархической организации текста, где “ни одна йота, ни одна черта не может быть изменена”. Украшенный синтаксис византийской гимнографии изобилует изысканными риторическими приемами, построением по принципу сходства и контраста. Множественность выражения единого, всегда одного и того же смысла ведет к варьированию синтаксических конструкций. Накопление вариантов в процессе исторического развертывания способствует их дальнейшему функционально-стилистическому и семантическому распределению.

Конструкции оригинала способствовали активизации потенциальных свойства славянского синтаксиса, что является проявлением общих закономерностей развития Логоса мысли, “развертывающего” и “свертывающего” Все во всем. Проведенное исследование приводит к выводу, что преобладание “гречизированных” конструкций в поздних переводах подготовлено историческим движением текста в предшествующий период. Перевод Афонской редакции отражает переломный этап в истории древнеславянского синтаксиса, где путем отбора и перераспределения вариантов складывается новая норма, положенная в основу церковнославянского синтаксиса. В то же время, ряд появившихся здесь инноваций (расширение употребления *родительного имени*, закрепление в функции предлогов *вместо* и *ради*, постановка *аккузатива* при отрицании, употребление союза *уже*, отсутствие глагола-связки в форме *наст. вр.*, появление суперлатива на *–ейи*) будет воспринят системой русского литературного языка. Здесь же дифференцируются конструкции, сложившиеся в древнейших переводах, закрепляясь в дальнейшем в различных языковых системах.

Два различных подхода наблюдаются и в отношении порядка слов. Первые переводчики независимо от оригинала ставят значимые в смысловом отношении слова в начало или объединяют по смыслу лексемы, дистанцированные в оригинале. Уже в списках *Гим* прослеживается тенденция, ставшая правилом в *Аф*, к сохранению иерархической организации текста, что вело к точной передаче риторических форм, структурной организации и особенностей мнемотехники. Определенный возврат к традициям первых переводов происходит в переводе Триоди периода литургической реформы, где прояснение смысла текста достигается в ущерб его литературной форме.

Феномен перевода можно сформулировать следующим образом: перевод – всегда интерпретация, и в строгом смысле – всегда “искажение” исходного смысла, принципиальная неполнота выражения. Как было показано в нашем исследовании, различия между переводами сводятся к различной степени адекватности в передаче смысла оригинала и средств воплощения этого смысла. К случаям повышенной герменевтической сложности относятся “неоднозначность” слов подлинника, наличие иносказательных выражений, тропов и фигур. На выбор переводчика оказывали влияние параллельные места и библейские аллюзии. С двуединым процессом понимания и интерпретации связан *экзегетирующий* перевод. Сложившийся уже в ранних редакциях славянской Триоди, характер системы он приобретет в период литургической реформы XIX–XX веков. Ряд трансформаций, внесенных по доктринальным соображениям, можно уподобить развертыванию Символа Веры.

Входящие в эту группу варианты несут информацию о богословской компетенции переводчика.

Литургический образ имеет многослойную структуру, элементы которой восходят к разным языковым пластам. Под покровом византийской культуры обнаруживается и связь с античной традицией – как на лексическом, так и на образно-поэтическом уровне. Диалектика развития образа сопровождается разворачиванием по спирали: от библейского перифраза – к святоотеческой формулировке, от “мифа” – к догмату. Предпочитая аллюзии прямым цитатам, гимнографы использовали универсальные принципы переработки исходных формул. В процессе осмысления переводчиком структура образа может быть подвергнута трансформации, а в результате неадекватного восприятия даже деформироваться. Трансформация на образном (художественном) уровне потенциально сопряжена с изменениями грамматической и синтаксической структуры.

В гимнографии содержатся примеры как аллегорической, так и типологической экзегезы. Многие аллегорезы основываются на евангельских притчах и опосредованы патристикой. Со- и переименование могут получать и статус особого риторического приема. Организация текста по принципу антономасии обнаруживает тесную взаимосвязь семантики, прагматики и поэтики.

Поэтическая форма гимнов использовалась для выражения сложнейшего богословского содержания. Способ мышления оппозициями, являясь проводником сирийского, а затем и византийского влияния, был воспринят славянами с переводами. Являясь характерной чертой литургической поэзии, антиномии часто облекались в риторическую форму оксюморон. В качестве строевых элементов текста они выполняли текстообразующую функцию, являясь интертекстуальными элементами, восходящими к формульному ряду Священного Писания, Символа Веры и святоотеческой письменности. Частотность использования этой риторической формы и ее расширение до триады в соответствии с трехчастной богословской схемой свидетельствует о высоком мастерстве и богословской компетентности авторов и переводчиков. Оксюморон на однокорневой основе использовался славянскими переводчиками как способ актуализации противоречий, заложенных в оригинале. При единстве формульности в диахронии прослеживается приближение к грамматике оригинала.

Перевод Священного Писания, литургических и патристических текстов на разные языки приводит к формированию единого “библейско-мифологического” пласта в различных культурных традициях. Рассмотрение греко-славянской гимнографии в ее отношении к древним песнопениям восточной церкви позволило выявить значительное число образов, тем и литературных мотивов, трактуемых сходным образом; формул и текстовых блоков, восходящих к тексту Священного Писания и ранним патристическим текстам. Универсальными являются и принципы трансформации исходных формул и организации текстовых блоков, основанных на парадоксе и антиномии. Подобные примеры свидетельствуют об универсальности принципов построения стиха, сложившихся в гимнографии восточной церкви под воздействием святоотеческого учения.

Теоретические и практические проблемы, рассматриваемые в диссертации, нашли отражение в следующих публикациях:

Монографии:

1. Чевела О.В. Герменевтика гимнографического текста/ О.В. Чевела. – Казань: Казанское высшее военное командное училище (военный институт), 2009. – 144 с. (9 п.л.).
2. Чевела О.В. Герменевтика литургической поэзии: лингвистическое исследование/ О.В. Чевела. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 346 с (18,1 п.л.).

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации:

3. Чевела О.В. “Оружия воинствования нашего не плотские”: образ и понятие в зеркале литургической поэзии / О.В. Чевела // Вестник Военного университета. – 2008. – № 3 (1). – С. 135 – 140. (0, 5 п.л.).
4. Чевела О.В. О стилистической функции родительного падежа в византийской литургической поэзии / О.В. Чевела // Вестник Волгоградского педагогического университета. – 2008. – № 3. – С. 112 – 117. (0, 5 п.л.).
5. Чевела О.В. Литургический символ и миф / О.В. Чевела // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009.–№ 1. – С. 124 – 129. (0, 5 п.л.).
6. Чевела О.В. От притчи к аллегории: аллегореза как прием построения сакрального текста / О.В. Чевела // Вестник Нижегородского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2009.– № 2. – С. 280 – 285. (0, 6 п.л.).
7. Чевела О.В. К вопросу о варьировании синтаксических конструкций в разновременных редакциях славянской Триоди / О.В. Чевела // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009.– № 17 (155). – Вып. 32.– С. 102 – 108. – (0, 5 п.л.).
8. Чевела О.В. Герменевтика в контексте гомилетики / О.В. Чевела // Вестник Вятского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009.– № 1 (2). – С. 20–24. – (0, 7 п.л.).
9. Чевела О.В. Антиномичность как типологическая особенность древнехристианской литургической поэзии/ О.В. Чевела // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2009.– № 1. – С. 11–18. – (0, 7 п.л.).
10. История понятий и традиции религиозной герменевтики: музыкальная символика в византийской гимнографии / О.В. Чевела // Музыковедение. 2009. – № 1. – С. 35 – 40. (0, 5 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

11. Чевела О.В. Церковно-греческий текст и его славянский перевод (типы однокорневого повтора в славянском переводе Цветной Триоди) / О.В. Чевела // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых: сб. статей молодых ученых. – Казань, 2001. – С. 305–311 (0, 4 п.л.).
12. Чевела О.В. Взгляды С.К. Булича на проблему языкового заимствования и их значение для изучения древнеславянской переводной литературы / О.В. Чевела

// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 143. – Казань, 2002. – С. 244–249 (0, 4 п.л.).

13. Чевела О.В. О некоторых греко-славянских параллелях в переводе Цветной Триоди / О.В. Чевела // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. – Казань, 2003. – С. 152–156 (0, 3 п.л.).

14. Чевела О.В. Смещение греческих слов-паронимов в разновременных редакциях Цветной Триоди / О.В. Чевела // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: материалы X международной конференции по функциональной лингвистике, Ялта, 29 сентября – 4 октября 2003 г. – Симферополь, 2003. – С. 352–354. (0, 5 п.л.).

15. Чевела О.В. К вопросу о втором южнославянском влиянии: Евфимиевская редакция Цветной Триоди / О.В. Чевела // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество: сб. научн. трудов – Киев, 2005 – С. 168–173. (0, 5 п.л.).

16. Чевела О.В. Роль греческого языка византийского периода в формировании литературного языка восточных славян / О.В. Чевела // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. – 2004. – Вып. 3(8). – С. 279–286. (0, 7 п.л.).

17. Чевела О.В. Парафразирование имен собственных как принцип построения сакрального текста (на материале рукописей и редких книг из фондов научной библиотеки КГУ) / О.В. Чевела // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект – Казань, 2004. – С. 275–279. (0, 4 п.л.).

18. Чевела О.В. К вопросу о культурно-исторической общности народов восточнохристианского ареала / О.В. Чевела // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та. В.И. Вернадского. Сер. Филология. – Т. 18 (57), № 1. – Симферополь, 2005. – С. 64–67. (0, 5 п.л.).

19. Чевела О.В. К вопросу о греческом влиянии на словообразовательную структуру славянского слова (на материале разновременных переводов Цветной Триоди) / О.В. Чевела // Studia Polona-Ruthenika: сб. науч. работ памяти проф. Альберта Бартошевича. – Казань, 2005. – С. 195–203. (0, 5 п.л.).

20. Чевела О.В. К проблеме интерпретации церковно-греческого текста: варьирование в разновременных переводах Цветной Триоди / О.В. Чевела // Исследования по русскому и славянскому языкознанию: сб. статей к 70-летию проф. Г. А. Николаева. – Казань, 2005. – С. 178–185. (0, 5 п.л.).

21. Чевела О.В. Использование методов теологической герменевтики при интерпретации сакрального текста / О.В. Чевела // Православный собеседник: альманах Казанской Духовной семинарии. – 2005. – Ч.1. – Вып. 1 (11). – Казань, 2005. – С. 178–190. (0, 6 п.л.).

22. Чевела О.В. К проблеме междисциплинарного подхода при преподавании древних языков в высших духовных учебных заведениях: церковнославянский текст в его отношении к церковно-греческому / О.В. Чевела // Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание: материалы I международной конференции, Москва, 28–30 сент. 2004 г. – М., 2005. – С. 178–182. (0, 4 п.л.).

23. Чевела О.В. Сопоставительный анализ форм причастия и деепричастия (на материале русского и армянского языков) / О.В. Чевела // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 29 ноября – 1 декабря 2005 г. – Казань, 2005. – С. 294–296. (0, 5 п.л.).

24. Чевела О.В. Герменевтика и историческое языкознание: проблема взаимодействия при изучении и интерпретации сакрального текста / О.В. Чевела // Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ, Казань, 21–23 июля 2005 года. – Казань, 2006. – С. 386–390. (0, 5 п.л.).

25. Чевела О.В. Греко-славянская гимнография и древнеармянский Шаракан: принципы риторического анализа / О.В. Чевела // III международные Бодуэновские чтения. И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания, Казань, 23–25 мая 2006 г.: труды и материалы: в 2 т. – Казань, 2006. – Т.1. – С. 186–189. (0, 3 п.л.).

26. Чевела О.В. Неслиянно и нераздельно: об антиномиях в греко-славянском переводе гимнов и древнеармянском Шаракане в контексте риторического анализа / О.В. Чевела // Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – Т.2, № 82. – 2006. – С. 220–223. (0, 6 п.л.).

27. Чевела О.В. Универсальные приемы трансформации сакрального текста: фрагменты из 41-го слова Григория Богослова в составе службы Пятидесятницы / О.В. Чевела // Православный собеседник: альманах Казанской Духовной семинарии. – 2007. – Ч. 2. – Вып. 1 (14). – С. 112–121. (0, 7 п.л.).

28. Чевела О.В. Теологическая этимология в аспекте онтологической теории смысла / О.В. Чевела // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции, Казань, 4-7 мая 2007 г.): в 2 т. – Казань, 2007. – Т.1. – С. 191–193 (0, 3 п.л.).

29. Чевела О.В. Интертекстуальность и диалог культур: универсальные принципы освоения “чужого слова” во вторичных сакральных текстах (на материале гимнографии) / О.В. Чевела // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. – Симферополь, 2007. – Т. 20 (59), № 4. – С. 392–397. (0, 5 п.л.).

30. Чевела О.В. К проблеме интертекста и интертекстуальности: “текст” и “мотив” в древнеславянской переводной гимнографии / О.В. Чевела // Церковь и проблемы современной коммуникации. – Н. Новгород, 2007. – С. 181–189. (0, 6 п.л.).

31. Чевела О.В. Некоторые наблюдения над переводом греческих предлогов в разновременных редакциях литургических текстов / О.В. Чевела // Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – 2008. – Т.2, № 137. – С. 193–196. (0, 5 п.л.).

32. Чевела О.В. Трансформация формул библейского происхождения в литургическом тексте / О.В. Чевела // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, Казань, 20-22 мая 2008 г.: в 2 ч. – Казань, 2008. – Ч.1. – С. 277–279. (0, 5 п.л.).

33. Чевела О.В. К вопросу о втором южнославянском влиянии: традиции гимнографии в книжном наследии Московской Руси / О.В. Чевела // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: сб. статей – М.: Северный паломник, 2008. – С. 53–58. (0, 5 п.л.).

34. Чевела О.В. У “перепутного креста” библейской и филологической герменевтики: функционирование формул библейского происхождения в литургическом дискурсе / О.В. Чевела // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 сентября 2008 г. – М, 2008. – С. 113–116. (0, 3 п.л.).

35. Чевела О.В. *Dativus sociativus* в разновременных переводах Цветной Триоди / О.В. Чевела / О.В. Чевела // Культура народов Причерноморья: научный журнал ВАК Украины. – 2008. – Т.2, № 142. – С. 173–176. (0, 5 п.л.).

36. Чевела О.В. Книжно-риторические глаголы с префиксом “сообщности” и их эквиваленты (на материале византийской гимнографии) / О.В. Чевела // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. – 2008. – Вып. 2 (17). – С. 135–141. (0, 6 п.л.).

37. Чевела О.В. Православная теологическая герменевтика: к постановке проблемы / О.В. Чевела // Хрестоматия теоллингвистики. – Симферополь: Универсум, 2009. – Т. 21 (60), № 5. – С. 197–205. (0, 6 п.л.).

38. Чевела О.В. Герменевтика и синтаксис литургической поэзии: “воплощение” и “перевоплощение” / О.В. Чевела // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. – Симферополь, 2009. – Т. 21 (60), № 5. – С. 201–206. (0, 5 п.л.).

39. Чевела О.В. Лексическое варьирование в разновременных переводах Цветной Триоди / О.В. Чевела // IV международные Бодуэновские чтения: материалы междунар. науч. конференции, Казань, 25-27 сент. 2009 г.: в 2 т. – Казань, 2009. – Т.2. – С. 181–183. (0, 3 п.л.).

40. Чевела О.В. Герменевтика в системе РКИ: Традиции гимнографии в поэзии символистов / О.В. Чевела // Формы и методы совершенствования учебного процесса: материалы 24 межвузовской научно-методической конференции, Казань, 17-19 декабря 2008 г. – Казань, 2009. – С. 77–82. (0, 5 п.л.).

41. Чевела О.В. К проблеме интерпретирующего варьирования в разновременных редакциях славянской Триоди / О.В. Чевела // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. – 2010. – Вып. 2 (20). – С. 5–11. (0, 5 п.л.).

42. Чевела О.В. Внутри- и межъязыковое варьирование инфинитивных конструкций в разновременных переводах литургического текста / О.В. Чевела // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. – Симферополь, 2010. – Т. 23 (62), № 2. — Ч.2. С. 620–627 (0,7 п.л.).

Тезисы и материалы докладов и выступлений на конференциях:

43. Чевела О.В. Текстовые особенности стихир / О.В. Чевела // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни. – Казань. – Ч. 2. – 1992. – С. 54–55. (0,1 п.л.).

44. Чевела О.В. Лексическое варьирование в переводе Цветной Триоди / О.В. Чевела // Владимир Даль и современная филология: материалы межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 22-23 ноября 2001 г. – Нижний Новгород. – Том. 2. – 2001. – С. 204–207. (0,3 п.л.).

45. Чевела О.В. К вопросу о процессе заимствования в языке / О.В. Чевела // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 декабря 2001 года): труды и материалы. В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 96–97. (0,2 п.л.).

46. Чевела О.В. О греко-славянских параллелях в переводе Цветной Триоди / О.В. Чевела // IV Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы междунар. науч. конференции, С.-Петербург, 12-14 сент. 2002 г. – СПб, 2003. – С. 102–105. (0,25 п.л.).

47. Чевела О.В. Творения Иоанна Дамаскина и их роль в формировании славянской богословской терминологии / О.В. Чевела // XXV-ые Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы междунар. науч.-метод. конф. – Самара, 2003. – С. 50–53. (0,25 п.л.).

48. Чевела О.В. Из фондов научной библиотеки им. Лобачевского: рукопись XV в. Триодъ Цветная / О.В. Чевела // II международные Бодуэновские чтения: материалы междунар. конференции, Казань, 11–13 дек. 2003г. – Казань, 2003. – Т.2. – С. 117–119 (0,2 п.л.).

49. Чевела О.В. Прием истолкования имени собственного в Цветной Триоди (рукопись из фондов Научной библиотеки Казанского университета) / О.В. Чевела // Русский язык: исторические судьбы и современность: матер. межд. конгресса исследователей русского языка, Москва, 18–21 марта 2004 г. – М., 2004. – С. 248. (0, 1 п.л.).

50. Чевела О.В. Палеографическое описание рукописи: Триодъ Цветная XVI в. / О.В. Чевела // Русская и сопоставительная филология: Казань, 2005. – С. 166–168. (0,25 п.л.).

51. Чевела О.В. Греко-славянские параллели в гимнографических текстах: фрагменты слова Григория Богослова в песнопениях св. Пятидесятницы (на материале Цветной Триоди и Шаракана) / О.В. Чевела // Русский язык: исторические судьбы и современность: матер. межд. конгресса исследователей русского языка, Москва, 20 – 23 марта 2007 г. – М., 2007. – С. 95–96 (0, 1 п.л.).

52. Чевела О.В. К вопросу об “истинном” методе в языкознании / О.В. Чевела // Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития: матер. III межд. научн.-метод. конф. – Ереван, 2007. – С. 34–36 (0, 25 п.л.).

53. Чевела О.В. Об онтологической сущности местоимения: исторический комментарий как компонент типологического описания / О.В. Чевела // Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития: матер. III межд. научн.-метод. конф. – Ереван, 2007. – С. 143–145 (0, 25 п.л.).

54. Чевела О.В. Проблемы перевода и интерпретации сакрального текста (на материале византийского, древнеславянского и древнеармянского языков) / О.В. Чевела // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы Международной

научно-практической конференции, Салоники, 14-18 мая 2008 г. – Салоники, 2008. – С. 245–246. (0,1 п.л.).

55. Чевела О.В. К проблеме интерпретации литургического текста: экзегетирующий перевод в разновременных редакциях славянской Триоди/ О.В. Чевела // Русский язык: исторические судьбы и современность: матер. межд. конгресса исследователей русского языка, Москва, 20 – 23 марта 2010 г. – М., 2010. – С. – 852–853. (0, 1 п.л.).